ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ ИШЛЕРИ
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
Том V 1959

С. А. ЕРШОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али

(раскопки 1954—1956 гг.)

Сектор археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР в 1954—1956 гг. под руководством автора производил раскопки большого древнего кладбища с оссуарными захоронениями вблизи города Байрам-Али Марыйской области.

История открытия этого кладбища такова. 27 апреля 1954 г. на имя Академии наук Туркменской ССР от главного агронома МТС-2 Байрам-Алийского района тов. Лозового было получено письмо, в котором сообщалось, что «мелиоративным отрядом по планировке полей было раскрыто старое необычное кладбище, в котором люди схоронены в глиняных кувшинах и глиняных ящиках. Работниками отряда был вскрыт один ящик длиной 60 см, в котором был скелет человека... Таких кувшинов и ящиков было большое количество. Если это представляет какой-нибудь интерес для науки, просим приехать или ответить, так как дней через пять отряд приступит к растаскиванию этого холма».

О захоронениях в глиняных кувшинах и ящиках на территории Южного Туркменистана было известно давно. Первые сведения о находках таких погребений относятся к восьмидесятым годам прошлого столетия, когда А. В. Комаров при раскопках северного холма Анау якобы обнаружил захоронения в плоских каменных гробах[1]. Им же невдалеке от Иолотани, при раскопках кургана, на глубине двух саженей были найдены «глиняные кадки огромных размеров с крышками». Внутри этих сосудов оказались скелеты людей, помещавшихся там в сидячем положении[2].

---

[1] Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. Журнал Министерства Народного Просвещения, Нов. сер., XX, СПб, 1909.

[2] Закаспийская область в археологическом отношении. Газ. «Туркестанские ведомости», 888, № 24, 25; газета «Новости», 1888, №№ 62—65; Иностранцев К. А. Цит. работа, стр. 110, прим. 3; Ставинский Б. Я. Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. н. э. (Диссертация), Л., 1954.

По данным В. В. Бартольда, в 1904 г. Р. Пампелли при раскопках того же северного холма Анау также будто бы нашел обломок от оссуария[1]. Отдельные оссуарии и их обломки были находимы в Ашхабаде[2] и на развалинах городища Пештак, находящегося в 6 км западнее современного районного центра Каахка[3]. Наконец, о находке в Закаспии (без уточнения) трех неорнаментированных оссуариев сообщал К. А. Иностранцев[4]. Научное значение этих находок, однако, было невелико. В большинстве они являлись случайными, а в ряде случаев (например Анау) вызывали сомнение. Лишь за последний ряд лет работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (руководитель проф. С. П. Толстов) бесспорные оссуарные захоронения были обнаружены в северной части Туркменистана, в Ташаузской области, на городищах: Калалы-Гыр I[5], Калалы-Гыр II (Айртам)[6], Куня-Уаз[7] и Мангыр-Кала[8].

Таким образом, обнаружение работниками МТС-2 Байрамалийского района целого кладбища с оссуарными захоронениями явилось важным открытием и безусловно заслуживало особого внимания. Учитывая это, в начале мая 1954 г. Институт истории, археологии и этнографии АН ТССР направил на место, сделанных находок, специальную археологическую экспедицию, которая в течение трех полевых сезонов и вела там свои исследования[9].

---

[1] Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края, Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 8, март, 1908.

[2] Бартольд В. В. Цит. работа; (Семенов А. А.) Материальные памятники культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945.

[3] Архив Ташкентского музея (сообщения Орестова).

[4] Иностранцев К. А. К изучению оссуариев. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. XVIII, СПб, 1908; Вязигин С. А. Оссуарии с городища Калалы-Гыр I Ташаузской области Туркменской ССР, «Вестник древней истории» (ВДИ), № 3, 1947.

[5] Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма... ВДИ, № 1, 1941. Он же, Городища с жилыми стенами. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), в. XVIII, 1947. Он же. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала. (Разведки 1950—1951 гг.). Вестник Академии наук СССР, 1952, № 4. Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Труды ХАЭЭ. Т. 1, М., 1952. Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950. Советская археология. (СА), XVIII, 1953, Вязигин С. А. Цит. работа.

[6] Толстов С. П. Археологические памятники... Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. (1945 — 1948 гг.)...; Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950 г...

[7] Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. (Краткая информация), ВДИ, № 2, 1953.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.).

[9] В 1954 г. работы экспедиции производились с 6 мая по 2 июля. В состав экспедиции входили: кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН ТССР Ф. Я. Коське и Д. Дурдыев, младшие научные сотрудники того же института А. А. Марущенко, С. А. Ершов и А. Ф. Ганялин и шофер экспедиции Р. Аванесов. Рабочих в среднем ежедневно было занято 12 человек.

В 1955 г. экспедиция работала с 7 мая по 23 июня. В ее состав входили С. А. Ершов, А. Ф. Ганялин и шофер экспедиции М. Меришев. Рабочих в среднем ежедневно было занято до 12 человек.

В 1956 г. экспедиция состояла из 3-х научных сотрудников: зав. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, кандидата исторических наук Д. Дурдыева и мл. научного сотрудника института С. А. Ершова и А. Ф. Ганялина, шофера М. Меришева и 12 человек рабочих.

Место, где были обнаружены оссуарные захоронения, находится в 5 км на север от города Байрам-Али, на землях колхоза им. Шверника, невдалеке от развалин Старого Мерва.

Оно расположено вне черты вала Гилякин-Чиль, т. е. за пределами городской округи древнего Мерва. К западу от этого места, примерно в одном километре, возвышается крупный холм раннесредневекового времени, небольшие всхолмления развалин разбросаны также к югу и северу от него. Погребения были встречены на территории в 2,6 га. На этой площади имеется шесть небольших, сильно оплывших холмов, расположенных невдалеке друг от друга, без какого-либо по-

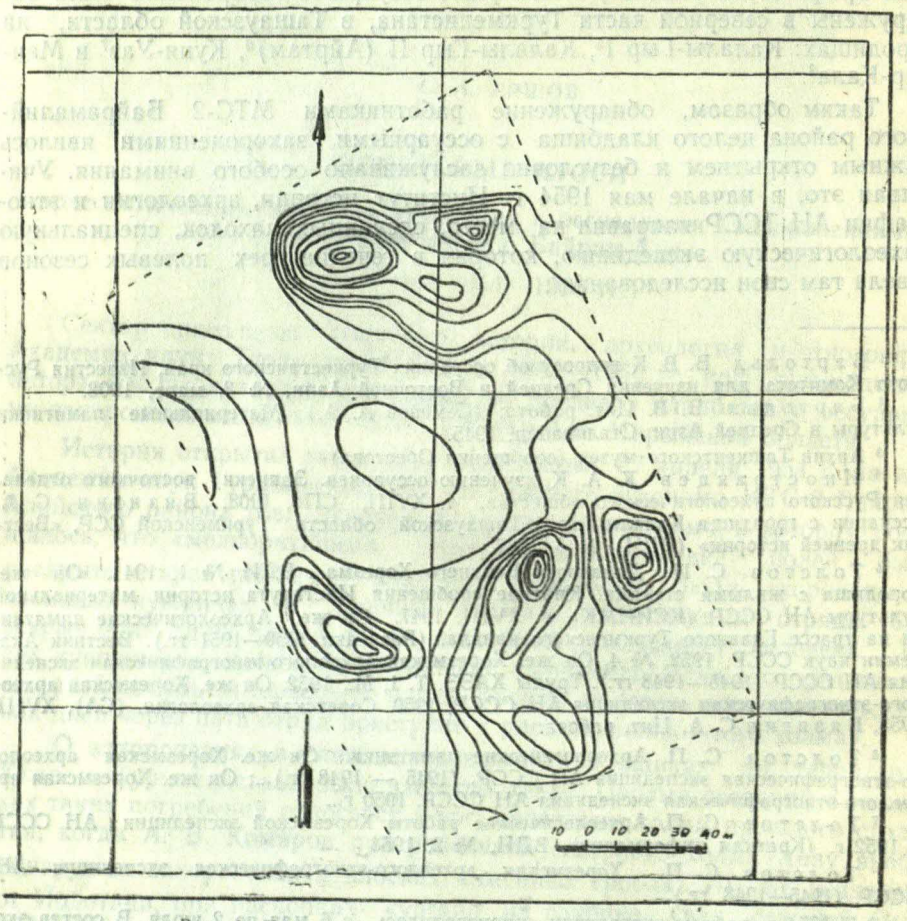

Рис. 1. План расположения холмов некрополя.

рядка. В центре, между холмами, имеется большая впадина, через которую в настоящее время проведен арык, орошающий лежащие в северо-восточной стороне от холмов колхозные поля.

К нашему приезду холмы оказались уже частично поврежденными. У пяти из них вершины были вспаханы плугом, а у шестого, крайнего южного, макушка оказалась частично срезанной бульдозером. Кроме того, на нем, в юго-восточной части, имелись две свежие ямы — одна размером 3 м длины и 1 м ширины, а другая немного меньше. В ямах и вокруг них валялось огромное количество обломков сосудов и человеческих

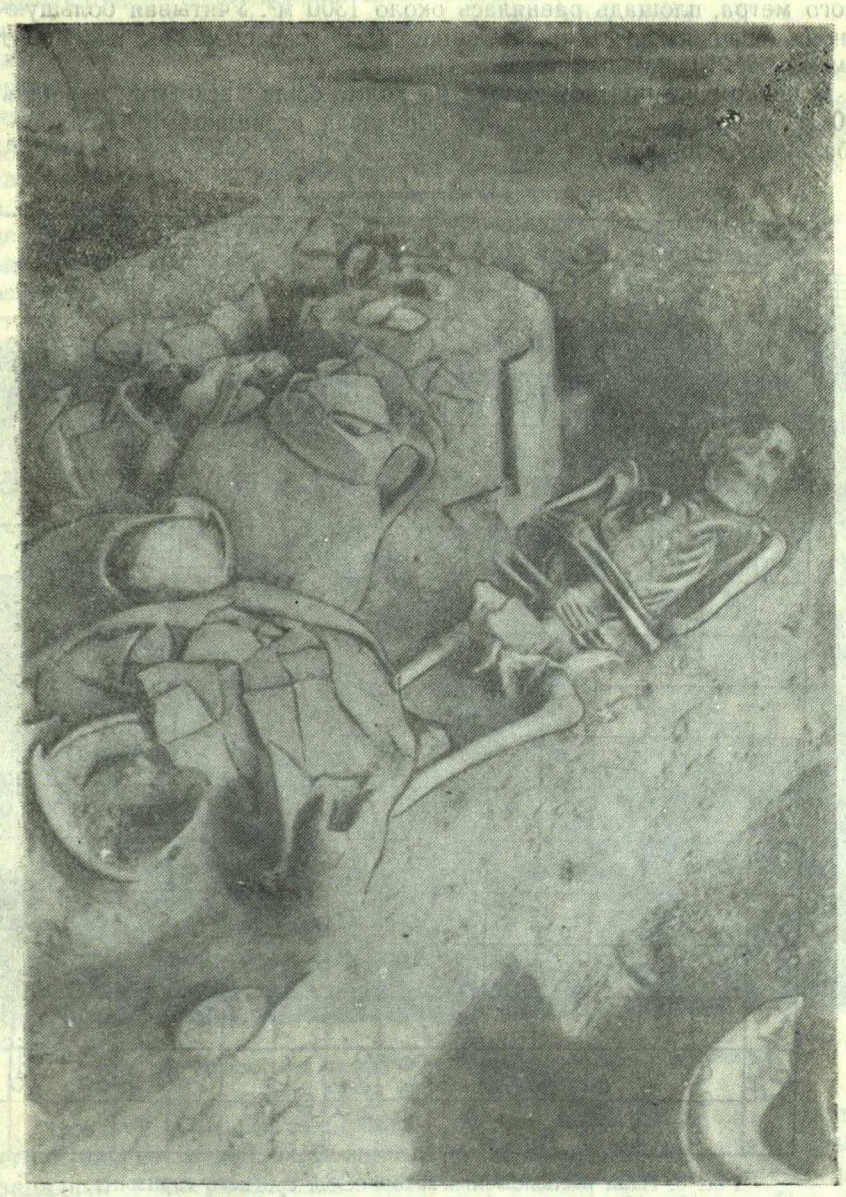

Рис. 2. Общий вид захоронений верхнего горизонта.

костей. Отдельные обломки оссуариев, сосудов и человеческие кости нами были обнаружены и на поверхности остальных пяти холмов.

Объектом раскопок нами был избран крайний южный холм, так как он первым предназначался к сносу, а кроме того был и больше других поврежденным. Он имел ровную, пологую с востока на запад, поверхность. Его высота в самой высокой восточной части не превышала одного метра, площадь равнялась около 1300 м². Учитывая большую и ровную поверхность холма, раскопки были организованы поквадратно, размером 2×2 м каждый квадрат (рис. 1).

В первом же полевом сезоне на холме была вскрыта площадь в 1190 м² и установлено, что холм образован развалинами большого погребального здания-науса; что захоронения в нем залегают тремя гори-

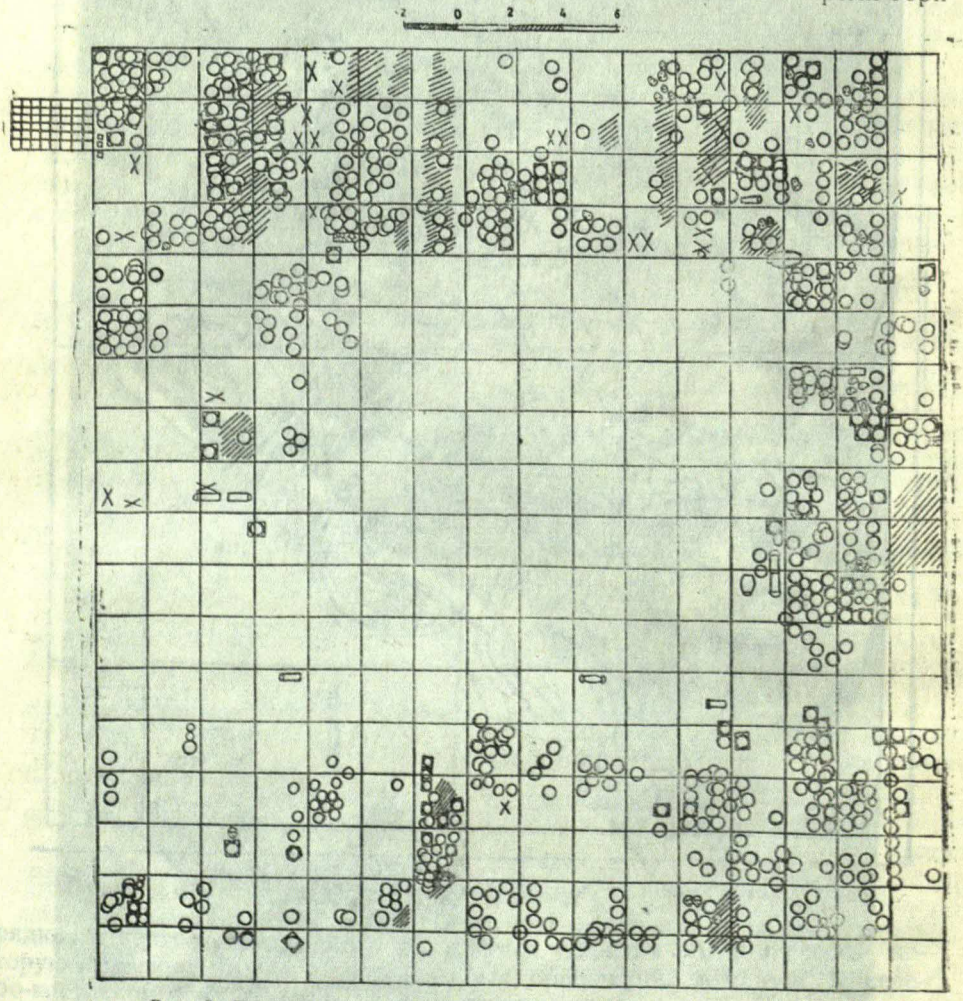

Рис. 3. План расположения захоронений среднего горизонта.

1. Сосуды-оссуарии;
2. Оссуарии с купольным верхом;
3. Оссуарии цилиндрической формы;
4. Погребения через трупоположения;
5. Массовые захоронения.

зонтами, связанными с тремя полами этого здания; что во всех горизонтах имелось по несколько видов захоронений и, наконец, что захоронения, особенно в среднем горизонте, сопровождались инвентарем.

Описание результатов раскопок дается нами по горизонтам, в порядке их вскрытия.

Верхний горизонт, как показали раскопки, сохранился лишь в юго-восточной возвышенной части холма на площади не более 5 м² (в квадратах А-2 и А-3); толщина его не превышала 20 см. Развалин зданий в этом горизонте не сохранилось. Погребения выступали прямо на поверхность, причем большинство из них были разрушены, а некоторые наполовину и более срезаны бульдозером. При расчистке данного горизонта нами было зафиксировано всего лишь 12 захоронений, из них 10 в сосудах-оссуариях (больших кувшинах и хумах), одно в специально изготовленном оссуарии с купольным верхом и одно в виде открытого трупоположения, на спине, головой на север, с руками, сложенными на животе, в ногах его находился раздавленный сосуд-оссуарий (рис. 2).

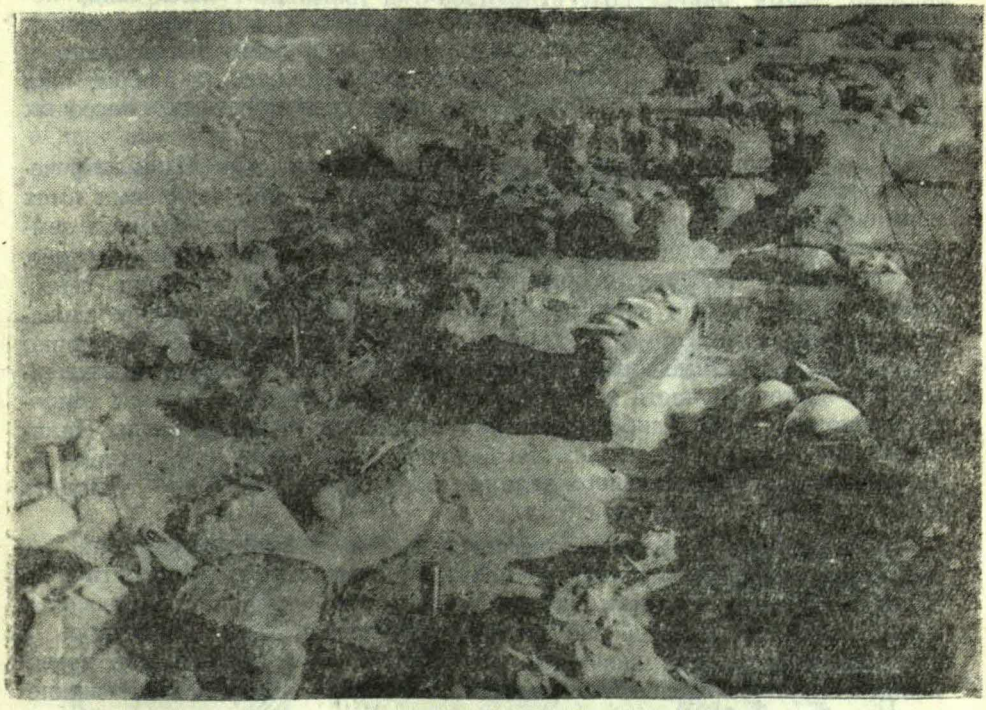

Рис. 4. Общий вид на расчищенные захоронения в южной части холма (средний горизонт).

Средний горизонт сохранился на всей площади холма; мощность его в юго-восточной части достигала 75 см, тогда как в юго-западной, западной и северо-западной частях вследствие смыва, а также частичного среза бульдозером, равнялась всего лишь 20—30 см. При вскрытии этого горизонта были обнаружены развалины здания науса, в котором и находились погребения. В юго-восточной части холма стены здания сохранились на высоту до 45 см, тогда как в юго-западной, западной и северной частях их удалось проследить всего лишь на два ряда кирпичной кладки.

Однако, несмотря на плохую сохранность стен, они все же дали возможность установить не только план, но и некоторые вопросы истории самого здания. Раскопками было установлено, что здание в плане имеет почти квадратную форму со сторонами 34х35 м, будучи ориентировано по странам света с незначительными отклонениями на северо-восток. Внешние стены здания имеют толщину в 4 м 10 см. Они сложены из сырцового кирпича, размером от 36х36х9 до 38х38х10 см на глиняном растворе, при ширине межкирпичных швов от 2 до 5 см. Здание, как об этом свидетельствуют обнаруженные остатки стен, а также и расположение захоронений, внутри было разделено на ряд погребальных камер, а в центре его находился открытый дворик (рис. 3).

Внутри камер захоронения залегали под однородной массой рыхлого леса и обломками сырцовых кирпичей. Очевидно, этот слой образовался от рухнувших стен и перекрытий здания. При расчистке нами было зафиксировано в этом горизонте более тысячи только оссуарных захоронений, что свидетельствует о том, что погребения в нем производились в течение довольно продолжительного времени (рис. 4).

В этом горизонте было установлено наличие трех видов захоронений. Первый — через трупоположение, открытое или в керамических гробах цилиндрической формы; второй — в специально изготовленных оссуариях с купольным верхом и в сосудах-оссуариях тех же форм, как и в верхнем горизонте, и третий — в виде беспорядочных массовых захоронений.

При расчистке верхнего и среднего горизонтов нами были встречены, кроме того, шесть погребений иного порядка — в могильных ямах прямоугольной формы, обозначенных с поверхности воткнутыми в землю обломками толстостенных сосудов. Скелеты в них лежали на спине, в вытянутом положении, с ориентацией головою на юг или север. Сверху скелеты были прикрыты сырцовым кирпичом, в четырех случаях положенными плашмя, а в двух поставленными на ребро, наклонно друг к другу. Данные захоронения были встречены только в возвышенной юго-восточной части холма и залегали на глубине половины второго горизонта. Какого-либо инвентаря в могилах не обнаружено. Наличие могильных ям и то, что эти захоронения не связаны ни с одним из уровней полов погребального здания дает нам основание говорить о них как о впускных погребениях.

Пол нижнего горизонта залегает в 2 м от поверхности холма, на грунтовом суглинке коричневого цвета. Мощность этого горизонта равна одному метру. Остатки здания науса в нем оказались погребенными под мощной глиняной забутовкой, являвшейся, как выяснилось в процессе работ, нивилировочной платформой, сооруженной при возведении стен науса среднего горизонта. Благодаря этому, здание нижнего горизонта сравнительно хорошо сохранилось и его планировка могла быть полностью установленной.

В течение последующих 2-х полевых сезонов (1955—1956 гг.) от глиняной забутовки полностью были расчищены южная и северная стороны этого здания и более чем наполовину западная и восточная. В плане оно представляло — как и в среднем горизонте — квадрат, тех же размеров и той же ориентации. Стены его, возведенные из пахсы вперемежку с сырцовым кирпичом, сохранились на высоту до одного метра. Внутри здание было разделено на 24 камеры, располагавшиеся перпендикулярно к внешним стенам, в центральной же части его нахо-

дилась небольшая (16,5х17 м), точно такая же как и в здании второго горизонта, открытая площадка двора. Высказывавшееся нами после первого сезона раскопок предположение о наличии между дворами и камерами крытого коридора раскопки 1956 г. не подтвердили. Сейчас можно считать вполне установленным, что входы у большинства камер были непосредственно со двора и лишь у некоторых они были из соседних камер (рис. 5).

За два полевых сезона (1955—1956 гг.) в здании полностью было расчищено 18 камер: 8 камер с южной стороны, одна с западной, 7 камер с северной и 2 камеры с восточной стороны здания; 3 камеры, находящиеся в западной части, расчищены наполовину, а у двух камер, находящихся в восточной части здания, были зачищены только углы. Одна камера (№ 13), расположенная в северо-западном углу, оставлена совершенно нетронутой. Нерасчищенным до конца в этом углу здания пока остается и какое-то небольшое (4х5 м) сооружение, сложенное из сырцовых кирпичей тех же размеров что и здание среднего горизонта. Описание камер дается в порядке их вскрытия.

Камера № 1 занимает юго-восточный угол здания, имеет размеры в длину 7 м 30 см, а в ширину 3 м 20 см; вход в камеру находится в северо-западном углу в западной стене; ширина его один метр. При расчистке в камере было обнаружено 7 захоронений: три в гробницах из обожженных кирпичей, одна из которых имела плоское перекрытие, а две—двускатные, из поставленных на ребро, наклонно друг к другу

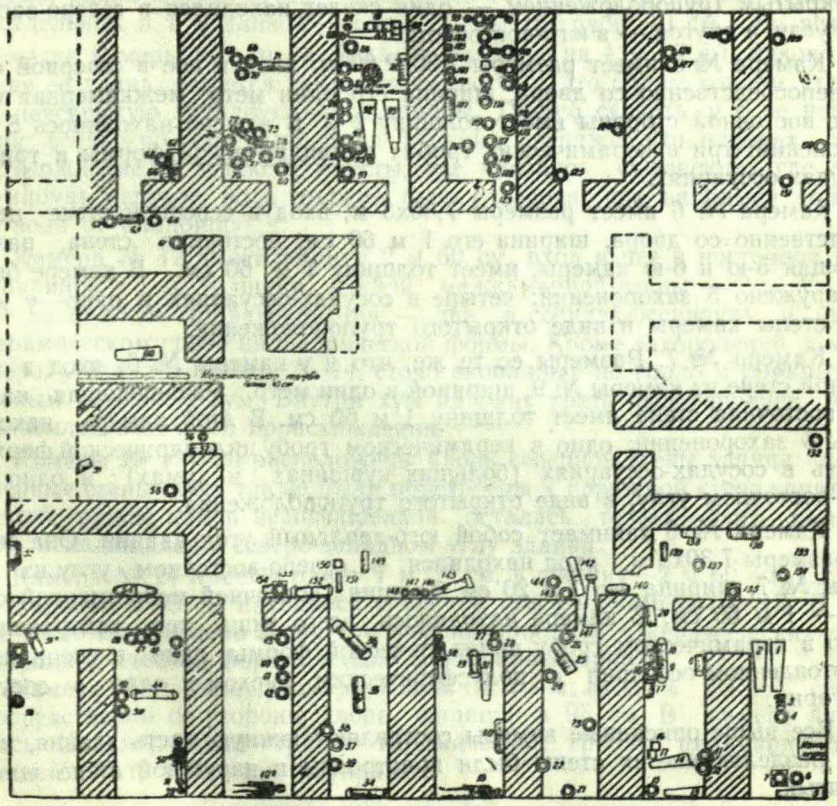

Рис. 5. План погребального здания нижнего горизонта (с нанесением расположения вскрытых захоронений).

кирпичей; одно в специально изготовленном оссуарии с купольным верхом, который более чем наполовину был вкопан в грунт, два в сосудах-оссуариях и одно захоронение с открытым трупоположением.

Камера № 2 в длину имеет те же размеры, что и камера № 1, ширина ее — 2 м 60 см; вход в северной стене из камеры № 24, шириной в 1 м 25 см. Стена между камерами №№ 1 и 2 имеет толщину 2 м. В камере находилось 12 захоронений: два в гробницах из обожженных кирпичей; пять захоронений в керамических гробах цилиндрической формы; четыре в сосудах-оссуариях того же типа, что и в камере № 1 и одно захоронение в виде сложенных кучкой костей, прикрытых обломками обожженных кирпичей, черепа при последнем захоронении не оказалось.

Камера № 3 имеет в длину те же 7 м 30 см, в ширину 2 м 30 см; вход в северной стене у северо-восточного угла, ширина его 1 метр. Толщина стены, разделяющей камеры № 2 и 3—два метра. В камере находилось 6 захоронений; одно в гробнице, сделанной наполовину из обожженных кирпичей, а наполовину из сосуда цилиндрической формы и пять захоронений в сосудах-оссуариях.

Камера № 4. Длина ее та же, что и у предыдущих, а ширина 3 м. Вход в камеру в восточной стене из камеры № 3, шириной 90 см; толщина межкамерной стены 1 м 60 см. В этой камере было 7 захоронений: два в керамических гробах цилиндрической формы, одно в гробнице из обожженных кирпичей, два в сосудах-оссуариях и два захоронения с открытым трупоположением — один скелет находился в северо-западном углу, а другой — в юго-восточном.

Камера № 5 имеет размеры 7,30х2,60 м; вход в нее в северной стене непосредственно со двора, ширина его один метр; межкамерная стена с восточной стороны имеет толщину 2 м. В камере находилось 6 захоронений: три в керамических гробах цилиндрической формы и три в сосудах-оссуариях.

Камера № 6 имеет размеры 7,30х3 м, вход в северной стене непосредственно со двора, ширина его 1 м 60 см; восточная стена, разделяющая 5-ю и 6-ю камеры, имеет толщину 1 м 60 см. В камере было обнаружено 5 захоронений: четыре в сосудах-оссуариях и одно—у южной стены камеры в виде открытого трупоположения.

Камера № 7. Размеры ее те же, что и у камеры № 6; вход в северной стене из камеры № 9, шириной в один метр. Разделяющая камеры восточная стена имеет толщину 1 м 60 см. В этой камере находилось 8 захоронений: одно в керамическом гробу цилиндрической формы, шесть в сосудах-оссуариях (больших кувшинах и хумах) и одно в юго-восточном углу, в виде открытого трупоположения.

Камера № 8 занимает собой юго-западный угол здания. Она имеет размеры 7,30х3 м; вход находился в северо-восточном углу из камеры № 7, ширина его 1 м 20 см. Толщина восточной межкамерной стены — 1 м 60 см. В камере находилось всего лишь три захоронения: одно в керамическом гробу цилиндрической формы, одно в специально изготовленном оссуарии с полусферическим верхом и одно в сосуде-оссуарии.

Все выше описанные камеры составляют южную часть здания, причем разделяющие их стены были пристроены к наружной стене здания впритык.

Следующие камеры №№ 9—12 составляют западную часть здания.

Их стены, как и на южной стороне, к наружной стене были также пристроены впритык.

Камера № 9 расчищена от забутовки полностью. Она имеет размеры: в длину 7 м 60 см, в ширину 2 м 80 см; вход в восточной стене непосредственно со стороны двора, шириной в 1 м. Толщина южной межкамерной стены 1 м 40 см. В камере находилось всего лишь два захоронения, оба в керамических гробах цилиндрической формы.

Три последние камеры (№№7—9) занимают юго-западный угол здания и со стороны двора объединены одним входом. Точно так же расположены и камеры, занимающие северо-восточный угол здания. Такое сочетание создает впечатление, что здание в своей планировке имело как бы отдельные отсеки, состоящие из 3-х угловых камер.

У камер №№ 10—12 была расчищена лишь их восточная половина. Доступ в них был непосредственно со стороны двора.

Камера № 10 имеет ширину 3 м; ширина входа — 1 м 40 см, толщина южной межкамерной стены—1 м 40 см. В расчищенной части камеры находилось 4 захоронения—одно в керамическом гробе цилиндрической формы, одно в гробнице из обожженных кирпичей и два захоронения в сосудах-оссуариях.

Камера № 11 немного уже предыдущих, она имеет ширину 2 м 70 см, ширина входа — 90 см, толщина южной межкамерной стены — 2 м. В расчищенной части камеры находилось лишь одно захоронение в гробнице из обожженных кирпичей. Кроме захоронения, на полу этой камеры, вдоль южной стены, находилась гончарная труба, составленная из отдельных в 1 м длиной звеньев. Диаметр трубы 10 см. Во вскрытой части камеры эта труба была прослежена на 4 м 60 см, какова же общая ее длина, остается неизвестным, потому что одним концом уходит под невскрытую западную часть камеры. Трудно сказать и о ее назначении: возможно она выполняла функции дренажа, что находит себе подтверждение и в тексте Авесты, где сказано: «Отовсюду, где есть что-нибудь мертвое, вода должна быть отведена, как например дождевая вода от кладбищ»...[1].

Камера № 12 имеет ширину 2 м 60 см, вход в нее в восточной стене шириной в 1 м; толщина южной межкамерной стены — 2 м. В камере находилось три захоронения — два в сосудах-оссуариях и одно в керамическом гробе цилиндрической формы. Кроме захоронений, в этой камере, у входа в камеру № 14, стоял вкопанный по горло и прикрытый жженым кирпичом хум. Внутри хум на одну треть был заполнен илистой землей натечного происхождения.

Камеры № 13—20 расположены вдоль северной стены здания. Межкамерные стены здесь также были пристроены к наружной стене впритык. Из этой группы камер нерасчищенной осталась только одна камера № 13, находящаяся в северо-западном углу здания.

Камера № 14 имеет в длину 7 м 30 см, в ширину—2 м 60 см, вход в нее шириной в 95 см находился в южной стене из камеры № 12. В камере было обнаружено лишь три захоронения: два в керамических гробах цилиндрической формы и одно в сосуде-оссуарии.

Камера № 15 имеет размеры 7 м 30 см х 3 м; вход в южной стене непосредственно со стороны двора, шириной в 95 см. В камере находилось 13 захоронений—три в керамических гробах цилиндрической формы и десять в сосудах-оссуариях.

---

[1] Смирнов А. В. Курс истории религий. Казань, 1908, стр. 280.

Камера № 16 имеет те же размеры, что и камера № 15; вход в южной стене со двора, шириной в 95 см. В этой камере находилось 17 захоронений — пять в гробницах из обожженных кирпичей, одно в керамическом гробе цилиндрической формы и одиннадцать в сосудах-оссуариях разных форм и размеров.

Камера № 17. Ее размеры те же, что и у двух предыдущих, вход в южной стене непосредственно со двора, шириной в 95 см. В камере обнаружено 27 захоронений — одно в керамическом гробе цилиндрической формы и 26 в сосудах-оссуариях.

Камера № 18 и 19 имеет те же размеры, что и камеры 15—17, входы также с южной стороны со двора, шириной у камеры № 18 в 1 м, а у камеры № 19 в 1 м 40 см. В камере № 18 находилось два захоронения, а в камере № 19—три. Все захоронения были в сосудах-оссуариях.

Камера № 20 занимает северо-восточный угол здания; ее размеры 7,30х2,60 м. Вход в южной стене из камеры № 21, шириной в 1 м 40 см. В камере имелось три захоронения в сосудах-оссуариях.

В восточной части здания так же, как и в западной, находилось 4 камеры (№№ 21—24). Камеры №№ 23 и 24 были расчищены полностью, а у камер № 21 и 22 выяснены только углы. Входы у этой группы камер также идут со стороны двора.

Камера № 23 имеет размеры 7,40х3 м, вход с западной стороны, шириной в 1 м. В этой камере находилось лишь одно захоронение в сосуде-оссуарии.

Камера № 24 имеет те же размеры; вход с западной стороны, шириной 90 см. В камере было обнаружено 7 захоронений: одно — в гробнице из обожженных кирпичей, поставленных на ребро наклонно друг к другу, два — в специально изготовленных оссуариях (один с купольным верхом, другой в виде прямоугольного ящика), два — в керамических гробах цилиндрической формы и два — в сосудах-оссуариях.

В описываемом горизонте, кроме захоронений в камерах, нами было обнаружено 14 захоронений прямо во дворе здания, в южной его части, главным образом около входов в камеры.

Всего в нижнем горизонте нами было зафиксировано 158 отдельных захоронений; из них: 5 захоронений в виде открытых трупоположений, 17—в гробницах из обожженных кирпичей, 32 — в керамических гробах цилиндрической формы, 6 — в специально изготовленных оссуариях и 98 — в сосудах-оссуариях типа кувшинов и хумов.

В этом горизонте мы можем говорить о двух одновременных видах захоронений. Первый через трупоположение, открытое—когда скелет положен на землю, или закрытое—когда скелет лежит в гробу, а второй в специально изготовленных оссуариях или сосудах-оссуариях.

Судя по количеству зафиксированных захоронений, здание нижнего горизонта, по всей вероятности, существовало непродолжительное время. После того как оно пришло в ветхость, вся его территория была тщательно спланирована и над ним, по старому плану, возведено новое здание, развалины которого впоследствии и образовали второй горизонт погребений.

Какое количество и каких захоронений было вскрыто по каждому горизонту, мы можем видеть из следующей сводной таблицы:

Виды захоронений	Количество захоронений и горизонты			Всего захоронений
	верхний	средний	нижний	
1. Захоронения через трупоположение:				
а) открытые	1	20	5	26
б) в гробницах из обожженных кирпичей	—	—	17	17
в) в керамических гробах цилиндрической формы	—	20	32	52
2. Захоронения в оссуариях:				
а) специально изготовленных с купольным верхом и др. видов	2	99	6	107
б) в сосудах-оссуариях, кувшинах и хумах	9	882	98	989
3. Беспорядочные захоронения				
а) массовые (кучами)	— в 3-х ямах		—	исчисляются сотнями
б) отдельные	повсеместно		—	

Во всех трех горизонтах оссуарии и сосуды в камерах размещались преимущественно возле стенок, в различном положении: на боку или стоя, некоторые более чем наполовину или по горло были вкопаны в пол. Что же касается обнаруженных в среднем горизонте беспорядочных захоронений — массовых (кучами) или отдельных, то первые из них находились в трех ямах — у южной, западной и северной стен, а вторые встречались повсеместно, залегая даже и поверх оссуариев.

Было установлено, что все оссуарии, как правило, внутри до самого верха были заполнены плотно слежавшейся землей натечного происхождения. Какого-либо специально подстилающего кости слоя в них не было. В гробницах и большинстве оссуариев находились одиночные захоронения и лишь в редких случаях в сосудах—больших кувшинах и хумах—оказывалось, судя по количеству обнаруженных черепов, по два, три, а в одном случае даже и четыре захоронения. В специально изготовленных оссуариях, а также и в сосудах-оссуариях кости лежали в беспорядке. При очистке оссуариев от земли черепа встречались то на дне их, то в середине, то вверху, если же горло у сосуда оказывалось узким и, череп не проходил во внутрь, то его клали около сосуда или поверх его.

Скелеты в захоронениях через трупоположение—открытых или в гробницах из обожженных кирпичей — лежали на спине, в вытянутом положении, лицом кверху. Положение рук было различным. У одних они были вытянуты вдоль туловища, у других согнуты в локтях и покоились одна на груди, а другая приподнята к плечу. В одном же случае обе руки были положены на живот (рис. 2). Единой ориентации у захоронений через трупоположение не было. В пределах Средней Азии захоронения с аналогичным положением рук у скелетов нам известны из раскопок М. М. Дьяконова в некрополе Туп-Хана у г. Гиссара в Таджикистане (захоронения типа II-А и II-б). М. М. Дьяконов датирует их IV — VI вв. н. э.[1] Так выглядят захоронения в раскопанном нами наусе.

[1] Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. Материалы исследования по археологии СССР. № 15. М.—Л., 1950, стр. 156, 158—159, 178.

На территории Средней Азии погребальных сооружений с оссуарными захоронениями открыто уже довольно большое количество. Все они по своей конструкции разнотипны. Например, в Той-Тюбе, под Ташкентом, оссуарные захоронения были обнаружены в подземных камерах-ляхадах[1] в районе Пянджикента, где было раскопано до 30 наусов — они имеют вид небольших, однокомнатных, квадратных в плане склепов, в которых находилось от одного (наус № 3) до одиннадцати (наус № 13) захоронений[2]. Аналогичные Пянджикентским наусы встречены на городище Кафыр-Кала под Самаркандом[3]; на Афрасиабе под оссуарные захоронения были использованы городские стены[4], а в Семиречьи на Краснореческом городище (в нижних его слоях) — брошенные дома[5]. В Хорезме, на городище Айбугир-Кала, погребальное сооружение имело вид башни, тогда как в Куня-Уазе оссуарные захоронения находились в одной из комнат здания верхнего слоя городища[6]. На городище Калалы-Гыр I оссуарии были обнаружены в недостроенных городских стенах и в многокомнатном здании «дворцового типа»[7], на городище Калалы-Гыр II (Айртам) погребальное здание имело круглую форму[8]. В замке № 36 в районе развалин Беркут-Кала оссуарные захоронения находились в одной из комнат второго этажа замка[9]. Более позднее (XIII в. н. э.) костехранилище, раскопанное на окраине кишлака Фринкент под Самаркандом имело круглую форму наподобие склепа[10].

Погребальное сооружение, изучавшееся нами, не имеет аналогий ни с одним из вышеупомянутых наусов. Байрамалийский наус представляет собой совершенно новый тип, впервые дающий представление о подобных сооружениях на территории Южного Туркменистана.

* * *

Переходим к описанию оссуариев и других находок, сделанных при раскопках Байрамалийского некрополя. Обнаруженные при раскопках оссуарии, сосуды и керамические гробы цилиндрической формы имели посредственную сохранность. Большинство из них находилось в фрагментированном виде и лишь часть целыми. Оссуарии с купольным верхом и гробы цилиндрической формы изготовлены в ручную, а сосуды-оссуарии на гончарном круге. Все они были сделаны из хорошо промешанной глины и имели умеренный обжиг.

---

[1] Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 28—30.

[2] Ставиский Б. А., Большаков О. Г. и Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь. Труды Таджикской археологической экспедиции II, МИА СССР. № 37. М., стр. 78.

[3] Сухарев И. А. Зороастрийские наусы городища Кафыр-Кала. Рукопись хранится в архиве Самаркандского музея, инв. № 436.

[4] Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, № 4, 1954, стр. 160.

[5] Бернштам А. Н. К исторической топографии Чуйской долины. (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии). ВДИ, № 2, 1940, стр. 195.

[6] Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г., стр. 159 и 184.

[7] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 79 и сл. Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 94.

[8] Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. «СА», XVIII, 1950, стр. 315.

[9] Толстов С. П. Хорезмская экспедиция 1939 г., КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 76.

[10] Григорьев Г. В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом, ВДИ, № 2/7/, 1939 стр. 144 и сл.

Специально изготовленные оссуарии и сосуды-оссуарии, происходящие из верхнего и среднего горизонтов, по своим формам идентичны и поэтому описание их дается совместно. Они могут быть объединены в три группы. Первую составляют специально изготовленные оссуарии. Форма большинства их, очевидно, подражает жилищу. Они имеют почти квадратное основание, размером от 27х30 до 40х42 см, слегка закругленные углы, иногда довольно сильно суживающиеся кверху стенки и покрыты куполом. Высота их варьирует от 48,5 до 64 см. В одной из стенок, на высоте от 5 до 12 см от дна в зависимости от величины оссуария, они имеют арочного очертания отверстие размером от 22 до 28 см в высоту и точно такой же ширины в основании. Это отверстие закрывалось дверцой, закрепившейся на завязках с помощью проколотых по бокам дырочек. Немного выше этого отверстия, в их стенках обычно со всех четырех сторон, а в редких случаях с трех, находятся небольшие прорези грибовидной формы. По всей вероятности, арочные отверстия воспроизводят дверные проемы, а грибовидные прорези — окна (табл. 3 и 4). По верху стенок некоторых оссуариев имеются зубчатые пояски, как у крепостных стен или башен (табл. 3, 3—5), иногда же крупные пяти- или семиступенчатые зубцы с грибовидными прорезями посередине (табл. 3, 2). Один из оссуариев этой группы имеет как бы портал, завершающийся вверху тремя пятиступенчатыми зубцами (табл. 3, 1).

Некоторые оссуарии имели на углах налепы в виде женских головок, с высоким головным убором и пышной прической, изготовленные с помощью штампа (табл. 5).

Весьма интересным является оссуарий, на лицевой стороне дверцы которого нанесен тушью рисунок хищной птицы, держащей в клюве, по-видимому, змею (табл. 6).

Во вторую группу мы выделяем оссуарии индивидуальных форм. К числу таких принадлежат: оссуарий в виде большой четырехугольной банки с крышкой до 54 см в высоту, при диаметре дна 30х30 см (табл. 7, 1); оссуарий, имеющий форму кибитки (повозка), размером 57х35 см по дну, при высоте 44,5 см (табл. 7, 4); оссуарий приплюснуто-цилиндрического очертания, длиной 65 см (табл. 7, 3) и кувшинообразный оссуарий, верх у которого оформлен полусферическим куполом. Он имеет размеры: высоту 59 см, диаметр у плечиков 33,5 см. и у дна 23 см (табл. 7, 5). Наконец, к этой же группе мы относим и один сосуд-оссуарий, имеющий полусферическую крышку с ушками, на верху которой стоит налепная фигурка, изображающая козла или барана. Оссуарий имеет 48 см высоты (без крышки), диаметр в плечиках 37, 5 см и 20,5 см у дна (табл. 7, 2).

В последней группе один оссуарий (табл. 7, 1) сплошь покрыт резным волнистым орнаментом.

Третью группу, по количеству самую многочисленную, составляют сосуды-оссуарии — кувшины и хумы, имеющие размеры от 25 до 65 см высоты.

Среди кувшинов наиболее распространенными были кувшины с высотой до 15 см и широкой (до 25,5 см) горловиной. Края венчиков у этих кувшинов полого отогнуты наружу, на шейке имеются по два налепных валика, один на изгибе под венчиком, а другой — над плечиками. Кувшины имеют по две ручки с гребенчатой спинкой, полуовальные в сечении, с налепными шариками вверху и одним или двумя вдавлениями (мазками) пальца внизу. Ручки отходят от горловины под верхним валиком и опускаясь вертикально вниз упираются в плечики. У крупных

кувшинов описываемого типа тулово грушевидное, а у меньших — овальное. Стенки тонкие от 4 до 6 мм. Донышки — плоские или в виде дисковидного поддона (табл. 8, 1—3 и 9). Сосуды данной формы характерны только для верхнего и среднего горизонтов; в нижележащем горизонте их совершенно нет.

В этой группе, наряду с вышеописанными, встречаются сосуды и несколько иной формы. Шейки у них невысокие, от 4 до 6 см, с выпуклостью наружу или во внутрь; венчики по краю округлые или с выемкой для крышки. У крупных сосудов тулово книзу усеченно-коническое, а у меньших овальное; ручки сильно выгнутые, с налепом в виде пуговицы с рельефным точечным орнаментом вместо шарика вверху и одним или двумя вдавлениями (мазками), сделанными пальцем, внизу. Донышки у этих сосудов такие же, как и у предыдущих (табл. 8, 4—7).

На многих сосудах этой группы на плечиках, между ручками, имеется по три пуговичных налепа с рельефным точечным орнаментом.

Среди хумов имеются три типа. Хумы первого типа тонкостенны, имеют хорошо выраженные и резко отогнутые наружу венчики, (табл. 9); хумы второго типа имеют толстые стенки и широкую горловину с наклоненными во внутрь краями (табл. 10); хумы третьего типа также толстостенные, но у них прямые невысокие шейки и две, реже четыре, ручки на плечиках. На некоторых хумах последнего типа по краю венчика нанесены косые насечки (табл. 11, 1, 3).

У хумов всех трех типов формы тулова различны: у некоторых оно грушевидное, у других же в виде усеченного конуса; донышки плоские, но в центре их имеется небольшая выпуклость, отчего они малоустойчивы на плоскости. Большая часть хумов имеет орнаментацию, состоящую из нескольких (от 3 до 5) параллельных, горизонтальных или наклонно-перекрещивающихся волнистых и зигзагообразных линий; иногда такой орнамент сочетается с косыми насечками. Некоторые хумы покрыты таким орнаментом сплошь, а некоторые лишь наполовину. Хумы первых двух типов являются характерными для среднего горизонта, тогда как третий тип (табл. 11, 1, 3), встречающийся во втором горизонте редко, очевидно, является в нем уже пережиточной формой, переходящей из нижнего горизонта. Встреченные в среднем горизонте керамические гробы цилиндрической формы имеют от 60 до 90 см в длину, при диаметре от 32 до 40 см. Обычно они лежали по два, впритык один к другому. Их открытые концы прикрывались глубокими мисками усеченно-конической формы, а иногда просто обожженными кирпичами (табл. 12).

Обнаруженные в нижнем горизонте специально изготовленные оссуарии и сосуды-оссуарии по своим формам также подразделяются на три группы. К первой группе относятся оссуарии с купольным верхом, ко второй — оссуарии в форме прямоугольных ящиков и к третьей — сосуды-оссуарии (кувшины и хумы). Внешне все эти оссуарии так же, как и керамические гробы, цилиндрической формы, почти не отличаются от оссуариев и гробов из вышележащих горизонтов. Однако при более внимательном их изучении намечается ряд признаков, которые являются характерными только для нижнего горизонта. Например, керамические гробы цилиндрической формы, равно как и оссуарии с купольным верхом, выглядят более массивными, они крупнее по размерам и имеют более толстые стенки. У некоторых оссуариев с купольным верхом дверные отверстия находятся не в боковой стене.

а вверху, будучи сделаны путем среза верхней части купола, которая таким образом одновременно служила и крышкой; купол и стенки у этих оссуариев украшены резным волнистым орнаментом (табл. 14, 1 и табл. 15, 1).

У одного оссуария над «дверцой» в основании купола имеется налеп с изображением верхней части женской фигурки с поднятыми руками (табл. 15, 1, 2). Оссуарий в виде сосуда, в отличие от аналогичных оссуариев из среднего горизонта, выглядит грубовато и также крупнее по размерам; купол у него вместо полушария имеет слегка уплощенную форму, с налепом на вершине из четырех соединенных в пучок терракотовых женских головок в невысоких коронообразных шапочках. Вся внешняя сторона купола этого оссуария покрыта небольшими пуговичными налепами с рельефным точечным узором (табл. 14, 2). Уникальным пока является оссуарий в виде прямоугольного ящика. Его размеры равны 38×60 см понизу и 32×52 см поверху, толщина стенок — 2 см, высота — 30 см. Вверху каждой из его стенок имеется по одной сквозной прорези грибовидной формы, углы слегка закруглены, а стенки кверху полого наклонены во внутрь; крышка плоская (табл. 15, 3).

Сосуды-оссуарии также имеют свои отличительные признаки. Например, у некоторых кувшинов венчики трактованы в виде нешироких налепных лент, слегка вогнутых во внутрь; по плечикам имеется насечный орнамент; ручки гребенчатые, с одним вдавлением (мазком) на нижнем конце; тулово напоминает усеченный конус; дно плоское (табл. 16, 2). Имеются также сосуды с невысокой расширяющейся кверху шейкой, элипсоидным туловом и невысокий усеченно-конический поддон вместо донца (табл. 16, 3). Среди хумов, наряду с подобными описанными из среднего горизонта, встречаются такие, тулово у которых имеют форму яйца со срезанными краями (табл. 17, 3). Имеются также массивные толстостенные хумы с овальным или в виде усеченного конуса туловом, с двумя реже четырьмя ручками и невысокими венчиками, прямыми или отогнутыми наружу. Большинство этих хумов имеют по плечикам прочерченный волнистый орнамент, а ниже узор в виде косых насечек (табл. 17, 1, 2, 4, 5).

В нижнем горизонте, как мы отмечали выше, наряду с погребениями, в оссуариях и керамических гробах цилиндрической формы находилось 17 захоронений в гробницах, из поставленных на ребро обожженных кирпичей, размером 35×35×5, 36×36×6, 38×38×6, 45×32×7 и 51×31×7 см. Гробницы имеют форму прямоугольных ящиков длиной от 1 м 60 см до 2 м, при ширине в изголовье от 40 до 50 см, а у ног от 35 до 40 см. Перекрытия их были двух видов—плоские и двухскатные (табл. 18).

При раскопках во всех трех горизонтах было найдено большое количество крышек сосудов. Они имеют или дисковидную форму с налепом в виде шарика в центре, служившим в качестве ручки, или полусферическую с грибовидными по бокам прорезями, а иногда с налепом наверху каких-то фигурок (табл. 19). Некоторые крышки прикреплялись веревочкой, для чего на них имелись 3—4 небольшие дырочки. Наряду со специально изготовляемыми крышками, иногда в качестве их использовались и подходящая посуда хозяйственного назначения в виде небольших широкогорлых горшков с носиком и мисок типа супников.

На сегодня в пределах Средней Азии оссуариев найдено довольно большое количество, причем самых разнообразных форм. Например,

в районах Чача и Семиречья оссуарии имеют овальную форму, внешне напоминающие юрту, тогда как в районах Согда и Пянджикента они прямоугольной формы, представляя собой как бы жилой дом, оседлого земледельца[1]. В районах Хорезма (нижнее течение Аму-Дарьи) среди обнаруженных оссуариев имеется несколько форм— саркофагообразные на 4-х ножках, боченкообразные на 3-х ножках, прямоугольной формы, «подквадратные» и квадратные в виде ящика, увенчанного человеческой фигурой, и, наконец, фигурные в виде всадника, сидящего на коне[2].

Оссуарии, найденные в районе Байрам-Али, не имеют среди них аналогий. Они представляют совершенно новый тип, в основном воспроизводя в миниатюре жилища, существовавшие в то время в Нижнемургабском оазисе.

Однако, несмотря на отсутствие аналогий в формах, в архитектурно-орнаментальной отделке некоторых оссуариев мы все же находим, если и неполное тождество, то, во всяком случае, очень близкое сходство. Так, например, имеющиеся по верху стенок наших оссуариев зубчатые пояски (табл. 3, 2—5) сходны с оформлением оссуариев, происходящих из Семиречья, с территории Кенбулуньского кирпичного завода. А. Н. Бернштам относит эти оссуарии к V — VI вв. н. э.[3].

Отдельные фрагменты от оссуариев с аналогичным оформлением были найдены также в развалинах согдийского замка, находящегося в одном километре от южной стены города Сарыга, а также и среди оссуариев Самарканда[4].

Совершенно иначе обстоит дело с сосудами-оссуариями. Для этой группы оссуариев имеются полные аналогии. Например, для происходящих из среднего горизонта сосудов-оссуариев кувшинов с высокой шейкой и двумя налепными валиками на ней, мы находим аналогии в керамике из позднесасанидского слоя Гяур-Калы Старого Мерва. А. А. Марущенко, производивший в 1936 и 1937 гг. раскопки на Гяур-Кале, на основании монет, найденных в одном слое с керамикой, датирует последнюю VI—VII вв. н. э.[5]

Из материалов нижнего горизонта наиболее характерными являются ручки от сосудов с гребенчатой спинкой и вдавлением (мазком) на оттянутом нижнем конце, хумы в форме яйца со срезанными краями, хумы с четырьмя ручками и сосуды с эллипсоидным туловом. Гребенчатые ручки с вдавлением на оттянутом нижнем конце на территории Южного Туркменистана распространены достаточно широко. В 1936 г. А. А. Марущенко находил их в сасанидском слое на Гяур-Кале древнего Мерва. Позднее, в 1953 г., он встретил их в том

---

[1] Остроумов Н. П. Новые данные о глиняных погребальных урнах. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год XI, Ташкент, 1906. Гафуров Б. Г. История Таджикского народа, Т. 1, М., стр. 126.

[2] Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники Каракалпакии. ВДИ, № 3, 1939, стр. 185.

Он же. Работа Хорезмской археоголо-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. «Вопросы истории», № 3, 1955, стр. 173—180.

[3] Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 16. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА СССР, № 14, М.—Л., 1950, стр. 111. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 138.

[4] Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских территориях. Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР, Материалы по археологии Узбекистана. Т. II, Ташкент, 1950, стр. 23 (рис. 9.)

[5] Сообщение А. А. Марущенко. Материалы хранятся в Музее краеведения АН ТССР (Опись № 155, инв. №№ 7, 209, 217, 273, 286).

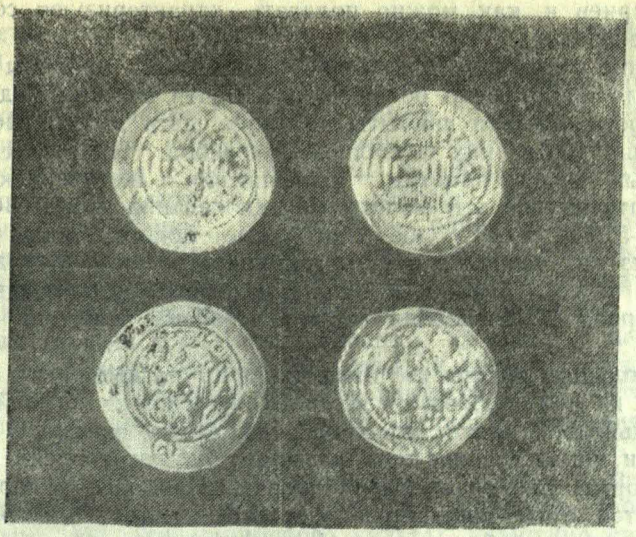

Рис. 6. Монеты Кавада и Хосрова I.

же слое на городище Хосров-Кала. В 1955 г. Д. Дурдыев нашел их в слое того же времени на крепости Куня-Кааха[1].

Точно такие же ручки находились и за пределами Туркменистана. М. М. Дьяконов обнаружил их на городище Кала-и-Мир в Южном Таджикистане в слое Кобадиан IV[2].

А. А. Марущенко на основании монетных находок датирует подобные ручки III—V вв. н. э., тогда как М. М. Дьяконов относит их ко II в. н. э.

Хумы, имеющие форму яйца со срезанными краями, отдаленно напоминают хумы из старой Нисы[3], а сосуды с эллипсоидным туловом находят себе полную аналогию в сосудах, добытых ЮТАКЭ в слоях сасанидского времени при раскопках Гяур-Калы древнего Мерва.

* * *

При захоронениях в большом количестве был найден различный инвентарь. По содержанию этот инвентарь во всех трех горизонтах идентичен и в основной массе происходит из среднего горизонта. Некоторые из обнаруженных предметов находились внутри оссуариев, а некоторые около них. Большинство же предметов было найдено при внеоссуарных захоронениях.

Из обнаруженных предметов прежде всего следует отметить один небольших размеров тигилек в виде чашечки, на дне которого сохранились сильно окислившиеся кусочки меди (табл. 21, 9), и четыре каменные подвески, являвшиеся, судя по их размерам, возможно, грузилами от ткацкого станка (табл. 20). Эти предметы лежали возле

---

[1] Сообщение Д. Дурдыева. Материалы хранятся в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.

[2] Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан. 1950—1951 гг.), Труды Таджикской археологической экспедиции, МИА СССР, № 37, М., 1953, стр. 288—289, рис. 24.

[3] Массон В. М. Хумы Нисы (О некоторых формах неполивной керамики). Труды ЮТАКЭ, т. II.

сосудов-оссуариев и, как можно полагать, характеризуют собой профессию погребенных.

В большом количестве в захороненных были найдены монеты. Всего их было обнаружено более 90 шт. Почти все они медные, плохой сохранности (сильно покрыты патиной, часть даже спеклась в комок), и лишь две из них оказались из серебра. На реверсе некоторых из медных монет заметны изображения жертвенников огня. По типу жертвенников эти монеты близки сасанидским монетам Хосрова I (531—579 гг. н. э.). Обе серебряные монеты также сасанидские. Одна из них чеканена в 9-ом году царствования Кавада, т. е. в 496 г. н. э., а вторая—в 571 г. н. э., т. е. в период царствования сына Кавада—Хосрова I. Последняя монета чеканена в городе Зерендже (рис. 6).

В еще большем количестве были найдены разные бусы. Наиболее интересными из них являются сделанные из цветных камней: горного хрусталя, хальцедона, агата, сердолика, гелиотропа, гематита, лазурита, альмандина и яшмы, а также коралла; много бус изготовлено из стекла и пасты[1]. Формы бус очень разнообразны. Наиболее распространенными являются бусы шаровидной формы, имеются бусы эллипсоидные, многогранные, кубические, в форме прямоугольных и квадратных пластинок, треугольников, а также цилиндрической и овальной формы. На некоторых сердоликовых бусах имеется красивый белый узор (табл. 22).

Особый интерес представляют геммы-печати. За три полевых сезона их было найдено 23 шт., из которых 20 сделаны из цветных камней, а 3—из меди. Все печати были найдены в среднем горизонте, причем 9—в одном месте при двух рядом лежащих скелетах. На печатях вырезаны изображения человека, льва, медведя, оленя, лошади, коровы, быка, разных птиц, растений и т. п. (табл. 23). На одной печати выгравирована тамга, своей формой напоминающая тамгу сасанидо-эфталитского типа (табл. 23, 3)[2], а на печати с изображением индийского быка-зебу имеется надпись, состоящая из четырех знаков (табл. 23, 16).

Найденные геммы-печати ценны, в частности, тем, что позволяют, будучи найдены в одном слое с монетами, проконтролировать все прежние хронологические определения аналогичных печатей, хранящихся во многих музеях.

Рис. 7. Статуэтка льва (медь).

Рис. 8. Статуэтка собаки (медь).

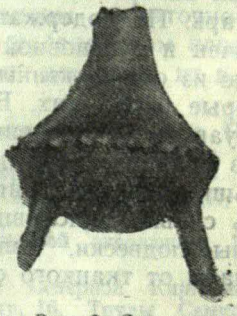

Рис. 9. Сосудик (медный).

[1] Определения материала из которого изготовлены бусы сделаны Г. Г. Лемлейном.

[2] Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 184, рис. 109.

Из металлических предметов, изготовленных, главным образом, из меди и реже из железа, целыми и в обломках были найдены: браслеты, серьги, кольца, перстни, бубенцы, колокольчики, обрывки цепочки, круглые тонкие бляшки, а также подвески в виде фигурок человека или головы клыкастого дикого кабана. Имеются подвески в форме стерженька с приплюснутым концом, трехлистника, петуха и разные проколки (табл. 24). Среди находок имеются, кроме того, две медные небольшие статуэтки — одна, изображающая льва (рис. 7), а другая—собаку (рис. 8). Не менее интересным является маленький медный сосудик на трех ножках (одна обломана), служивший, очевидно, для хранения душистых масел (рис. 9).

В числе находок есть также поделки из кости и перламутра — различные по размеру бляшки, пуговицы и подвески, изображающие птиц. В большом количестве найдены ракушки каури, которые еще до сих пор продолжают бытовать среди местного населения в качестве амулетов (табл. 25).

Часто встречаемые на геммах-печатях и среди подвесок изображения петуха, собаки, коровы или вола являются изображениями, характерными для зороастрийского культа[1], возможно свидетельствуя тем самым о принадлежности к нему погребенных.

Наряду с вышеописанным инвентарем, при отдельных захоронениях были найдены скорлупа куриных яиц, небольшие сосудики типа горшочков, чашечки в форме пиал, светильники в виде маленьких блюдцев с носиком, терракотовые статуэтки коней, с сидящими на них всадниками. На конях сохранились следы окраски в малиновый цвет (табл. 21). Вся эта группа предметов, по-видимому, свидетельствует о почитании умерших и приношениях, связанных с их культом.

Особый интерес среди находок представляют четыре небольшие по числу знаков надписи. Две надписи воспроизведены на «дверцах» от оссуариев с купольным верхом, одна — на дисковидной крышке от сосуда-оссуария и одна — на донышке сосуда. Две из них написаны тушью, а две процарапаны каким-то острым предметом (рис. 10).

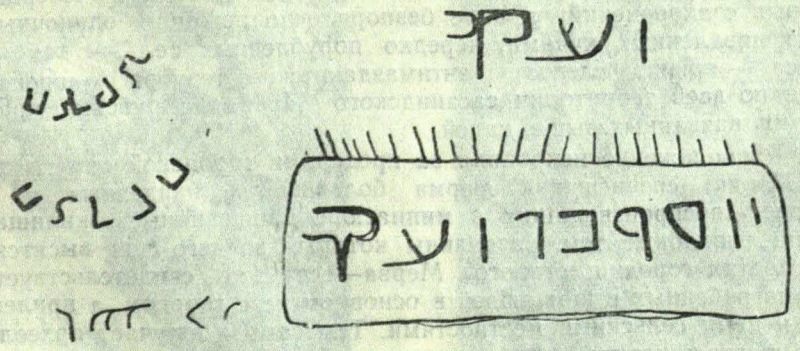

Рис. 10. Фрагменты керамики с надписями.

При раскопках некрополя был добыт и обильный краниологический материал. Обрабатывавшая этот материал Т. А. Трофимова относит его к одному антропологическому типу—европеоидам закаспийского варианта средиземноморской расы. Черепа мезокранные, с высокими узкими лицами. Встречается теменная деформация. Отчетливые примеси иных расовых типов заметны лишь на нескольких че-

[1] Смирнов А. В. Цит. работа, стр. 274.

репах; в двух случаях наблюдается примесь дравидоидных черт, а среди женских черепов три имеют слабовыраженную монголоидную примесь. По мнению Т. А. Трофимовой, погребенные в некрополе являются потомками древнего населения Южного Туркменистана, т. е. являются представителями исконно местного населения.

К какому же времени относится изучаемый нами памятник? Суммируя все вышеизложенное, а главное, руководствуясь монетными находками и сравнительными данными, его можно будет датировать в нижнем горизонте V, а в среднем и верхнем горизонтах VI — VII вв. н. э.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

1. Раскопанный нами в 1954—1956 гг. под Байрам-Али оссуарный некрополь является первым примером подобных памятников в пределах Южного Туркменистана. По типу науса она не имеет аналогий в других районах Средней Азии, равно как и его оссуарии представляют собою новый «маргианский» вариант, характеризующийся ярко выраженной архитектурностью своей формы.

2. Результаты раскопок некрополя имеют большое и разностороннее научное значение. В частности, он впервые на большом материале, притом хорошей сохранности, знакомит нас со своеобразием погребального ритуала, а тем самым и религиозных представлений, если не всего, то определенных групп местного населения эпохи раннего средневековья, V—VII вв. н. э.

3. Если оссуарные захоронения вообще можно считать характерными для погребального ритуала «пореформенного» зороастризма сасанидской эпохи, то наличие в нашем некрополе, наряду с оссуарными захоронениями, погребений через трупоположение—обряда, квалифицируемого ортодоксальным зороастризмом сасанидского Ирана как тягчайший, неискупаемый грех — заставляет считать его принадлежащим не зороастрийцам, а представителям одной из их сект, учитывая время его существования, по-видимому маздакитам.

4. Подтверждением этого мы считаем обнаружение в среднем горизонте некрополя, датируемым монетами Кавада и Хосрова I, массовых «захоронений» в виде беспорядочно лежащих одиночных, а иногда наваленных кучами, нередко порубленных тел — как нам кажется — ярких следов антимаздакитского террора, прокатившегося по всей территории сасанидского Ирана на рубеже правлений этих, названных выше, царей.

5. Расположение некрополя за пределами городской округи древнего Мерва, специфичная форма большинства найденных в нем оссуариев, воспроизводящих в миниатюре башневидные жилища — «кешки», подобные тем, развалины которых до сего дня высятся в окрестностях городищ старого Мерва—все это свидетельствует о связи погребенных в нем людей в основном не с городом, а прилегающими к нему сельскими местностями. Тем самым получает археологическое подтверждение сформулированный на основании свидетельств письменных источников взгляд на маздакизм как общественное движение, связанное с антифеодальной борьбой общинного крестьянства раннесредневекового Ирана.

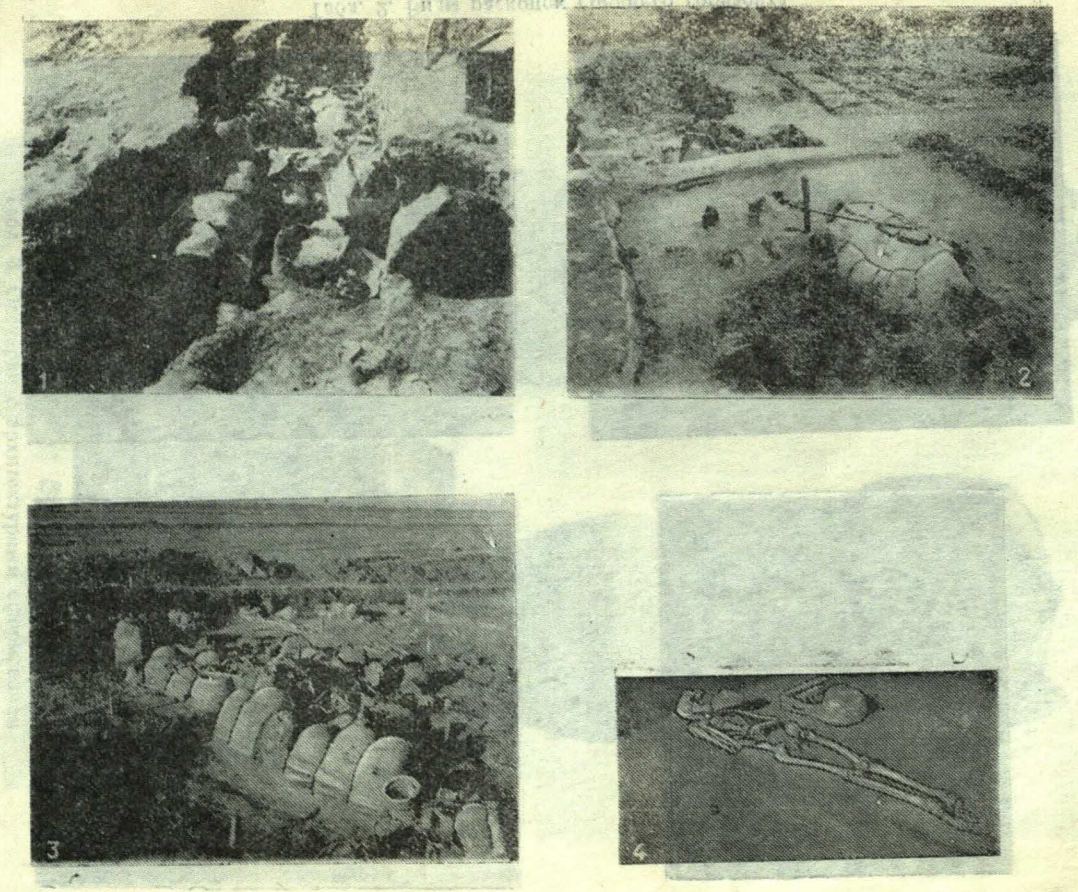

Табл. 1. Виды раскопок среднего горизонта.

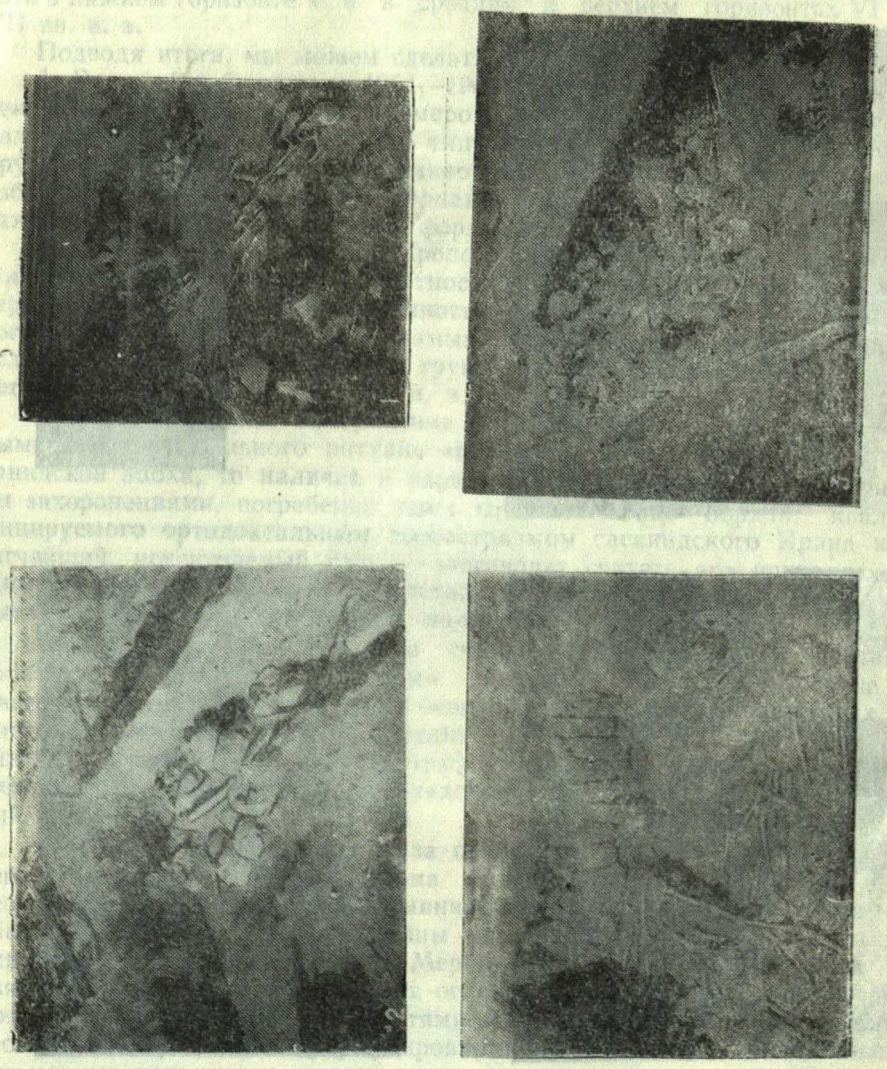

Табл. 2. Виды раскопок среднего горизонта.

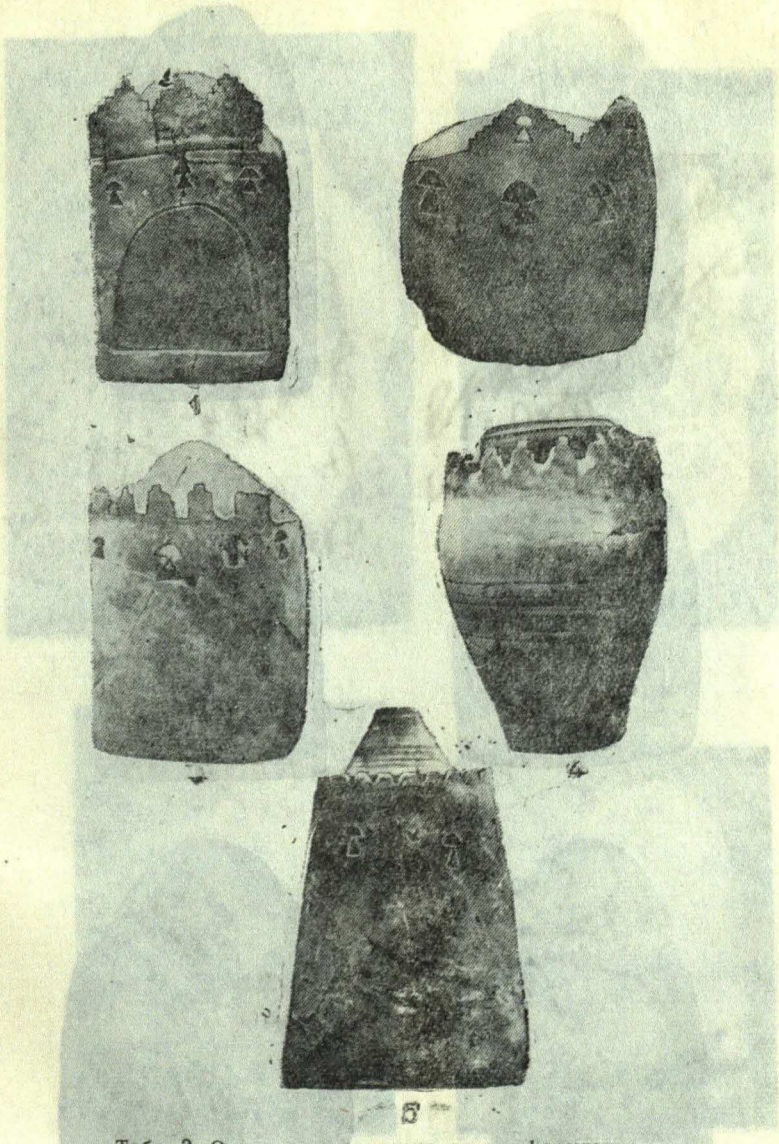

Табл. 3. Оссуарии с архитектурным оформлением из среднего горизонта.

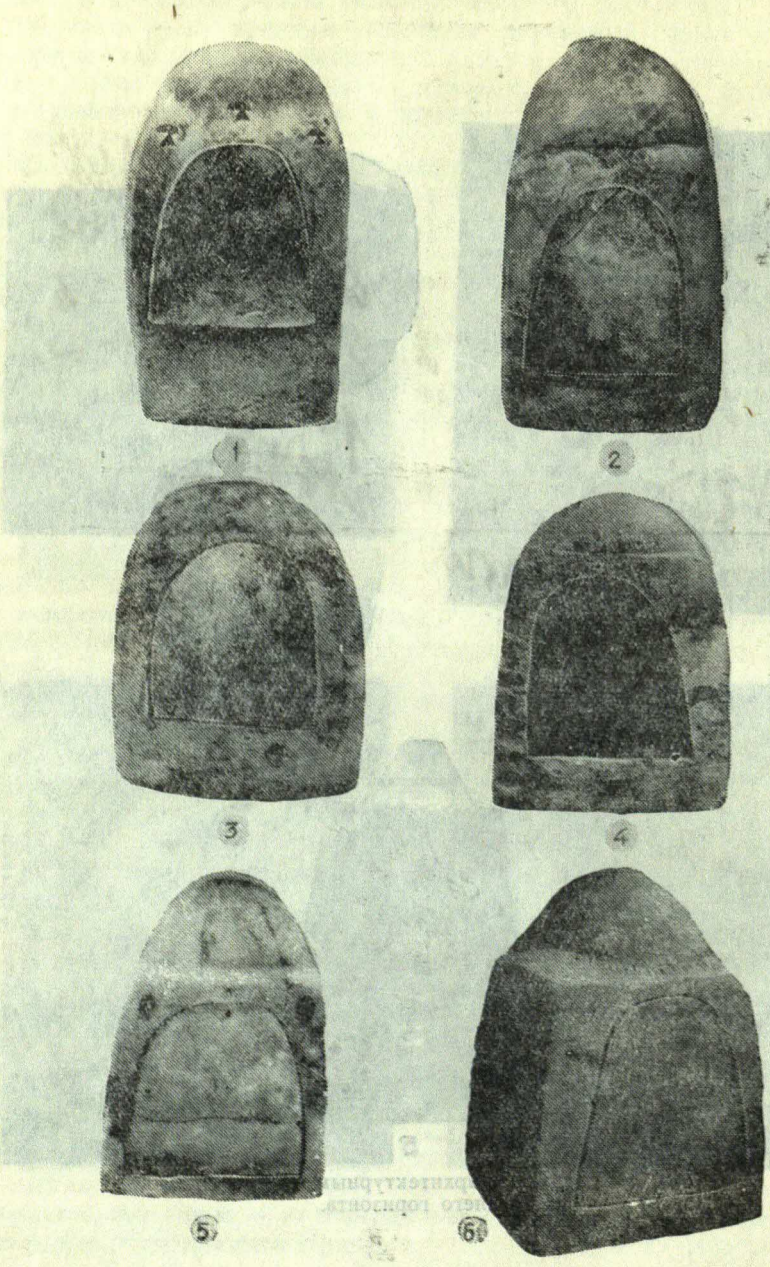

Табл. 4. Виды оссуариев среднего горизонта.

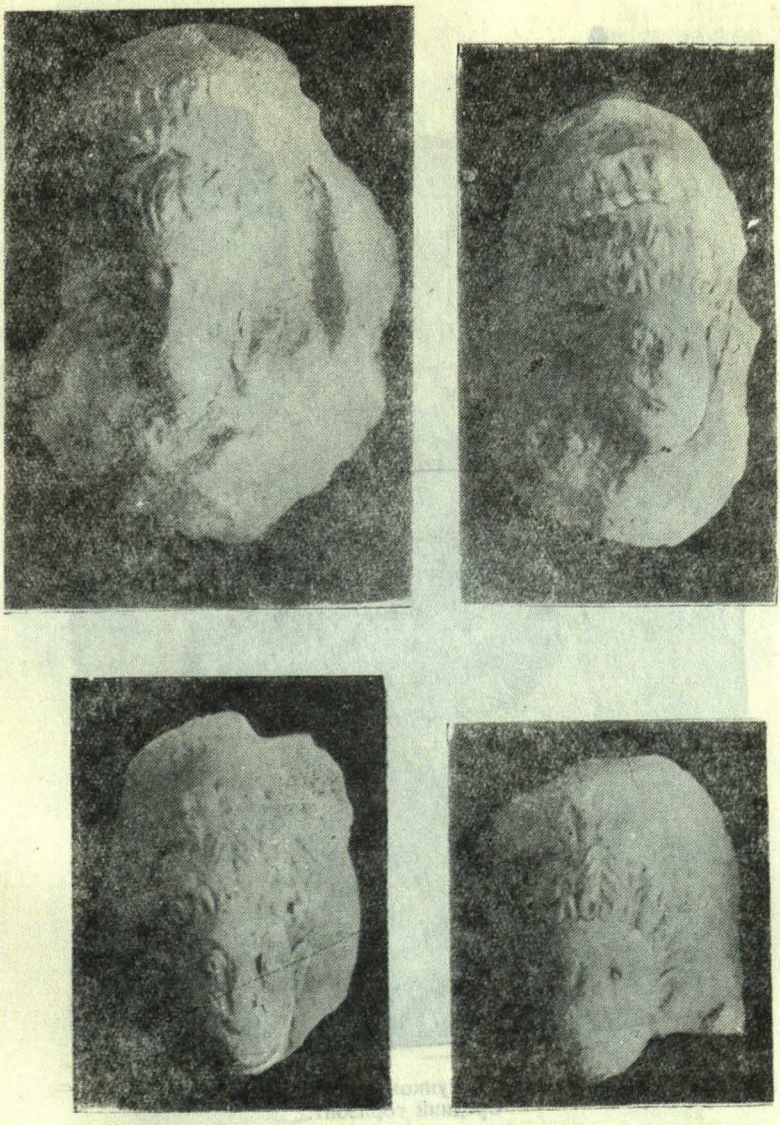

Табл. 5. Терракотовые женские головные налепы на углах оссуариев. Средний горизонт.

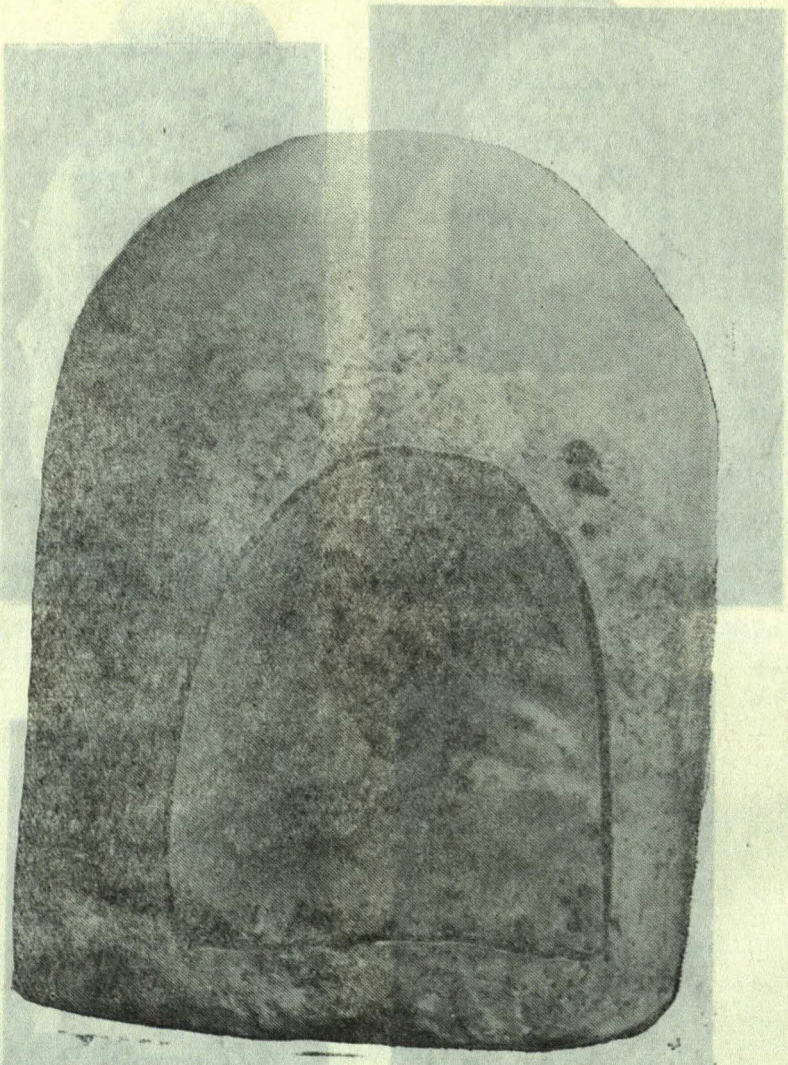

Табл. 6. Оссуарий с рисунком хищной птицы на дверце. Средний горизонт.

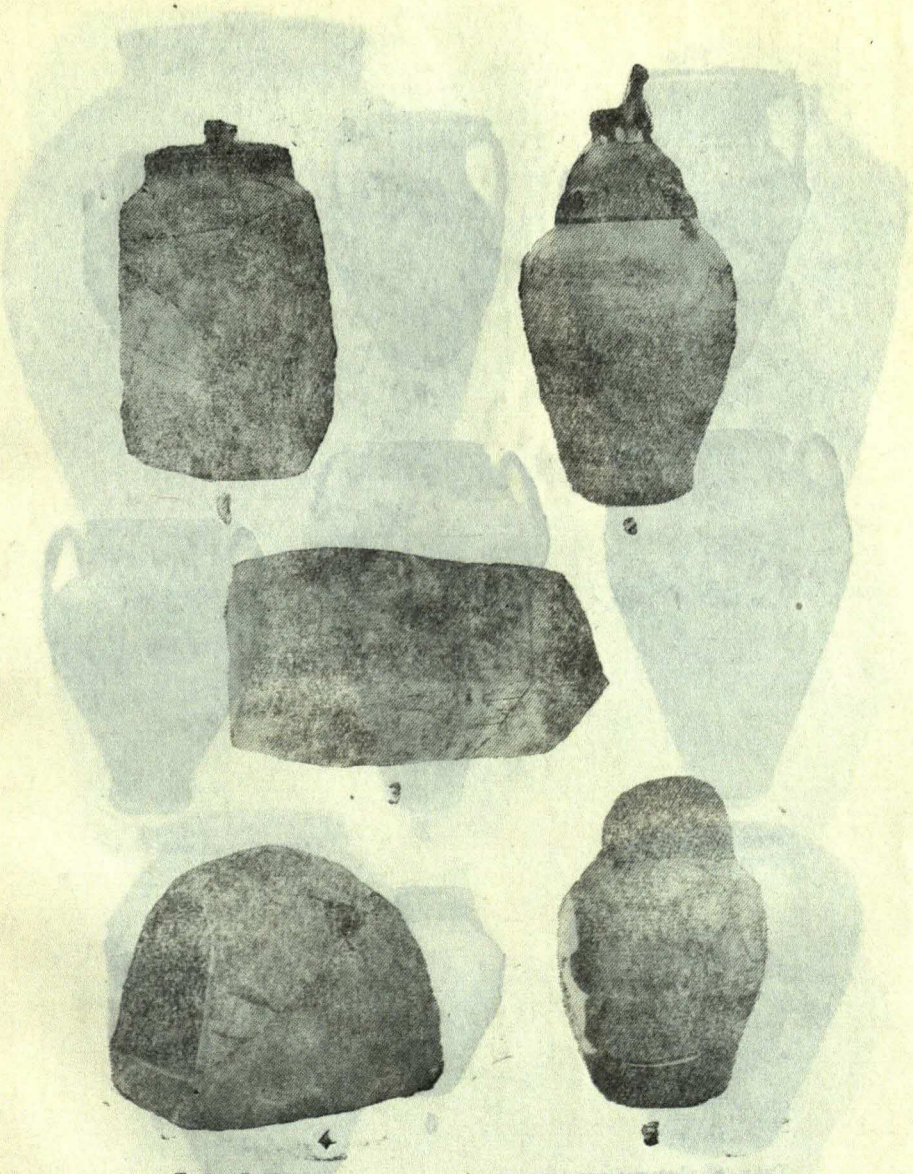

Табл. 7. Оссуарии разных форм из среднего горизонта.

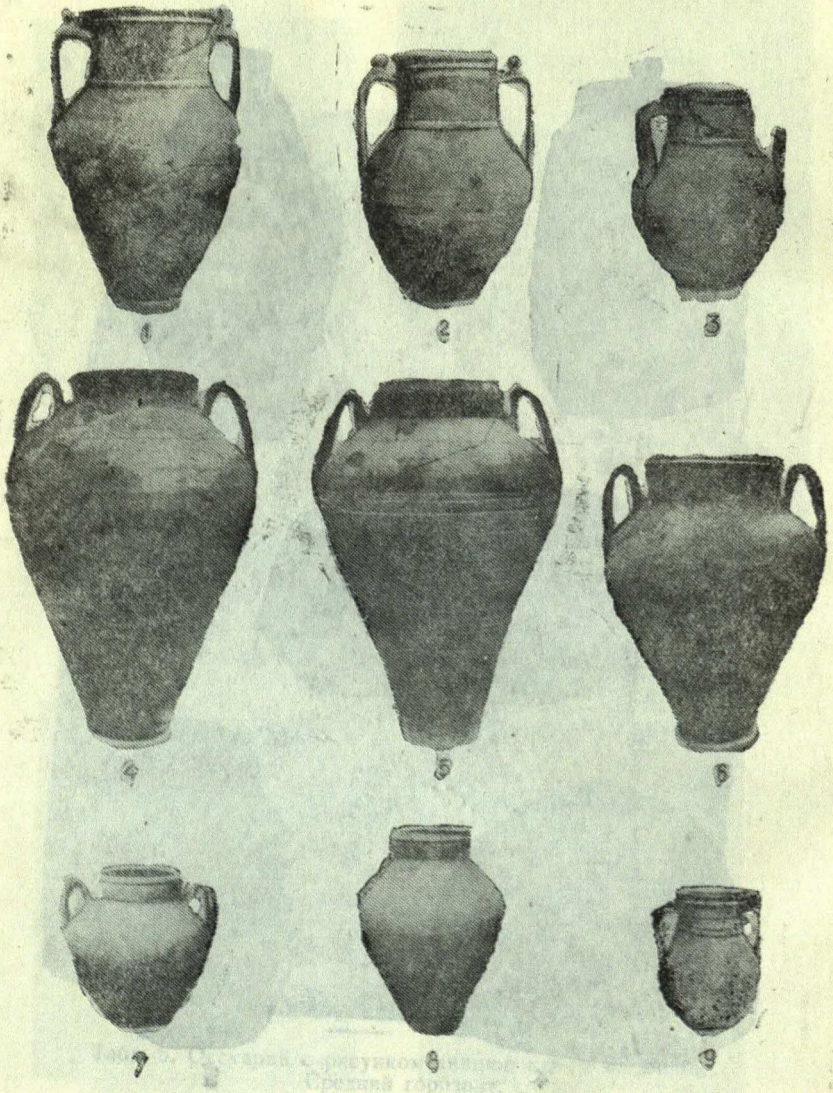

Табл. 8. Сосуды-оссуарии из верхнего и среднего горизонтов.

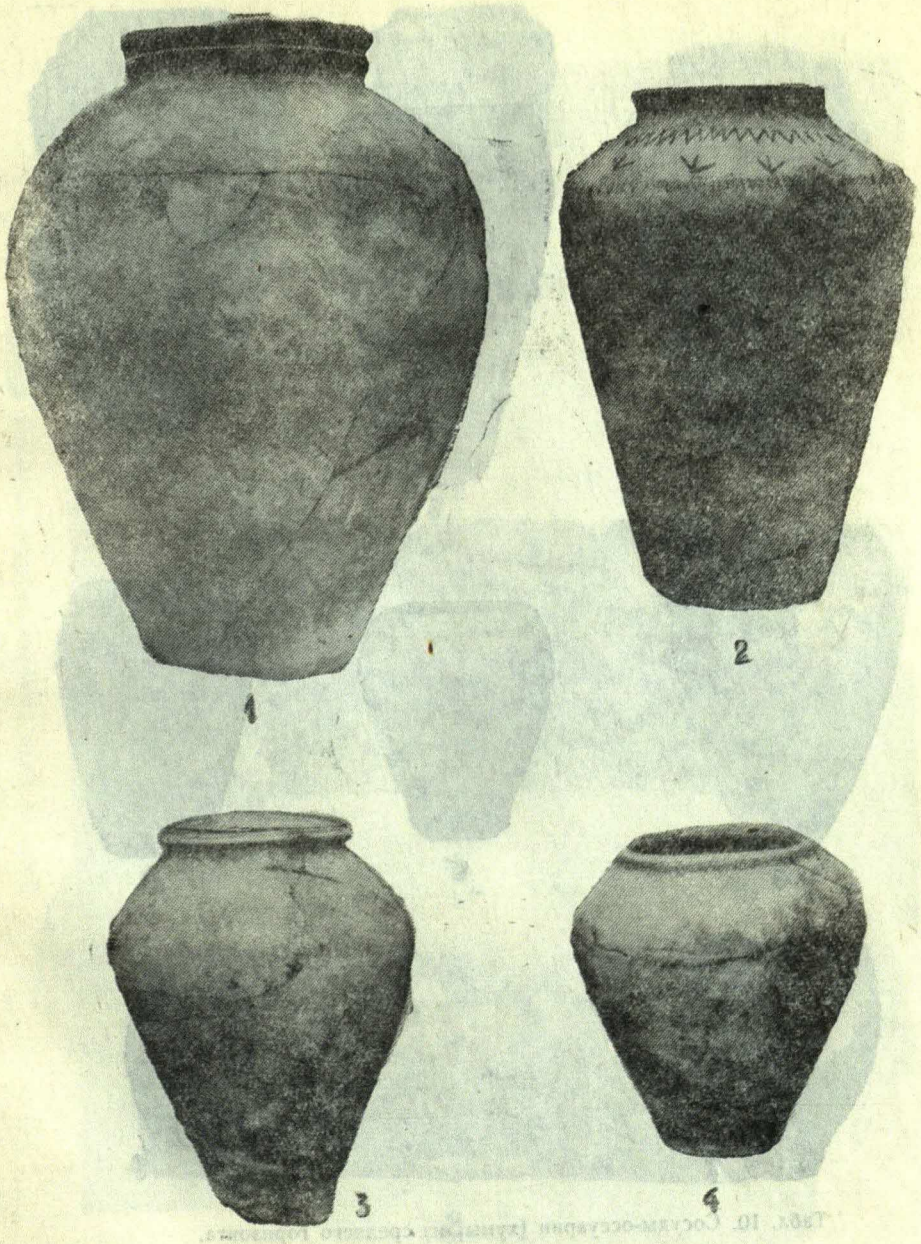

Табл. 9. Сосуды-оссуарии [хумы] из среднего горизонта.

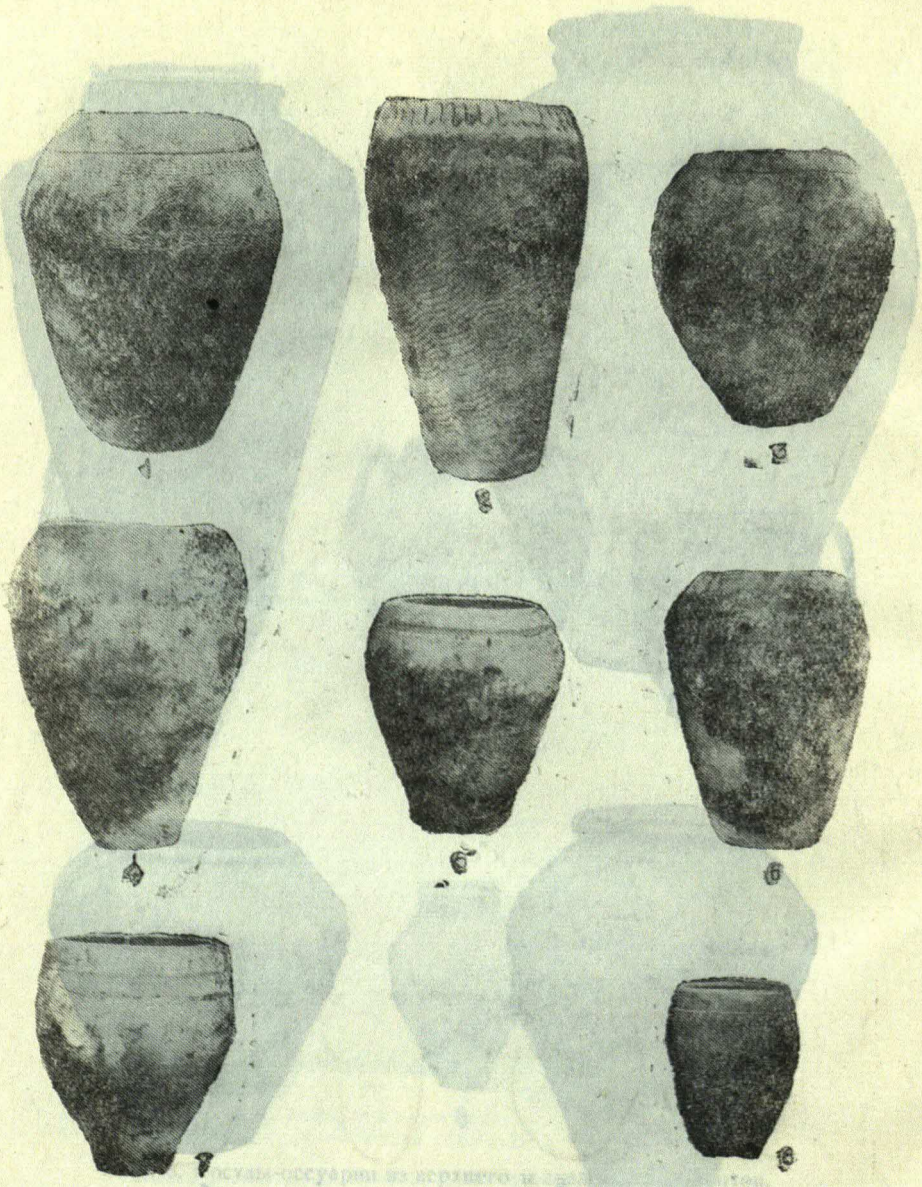

Табл. 10. Сосуды-оссуарии [хумы] из среднего горизонта.

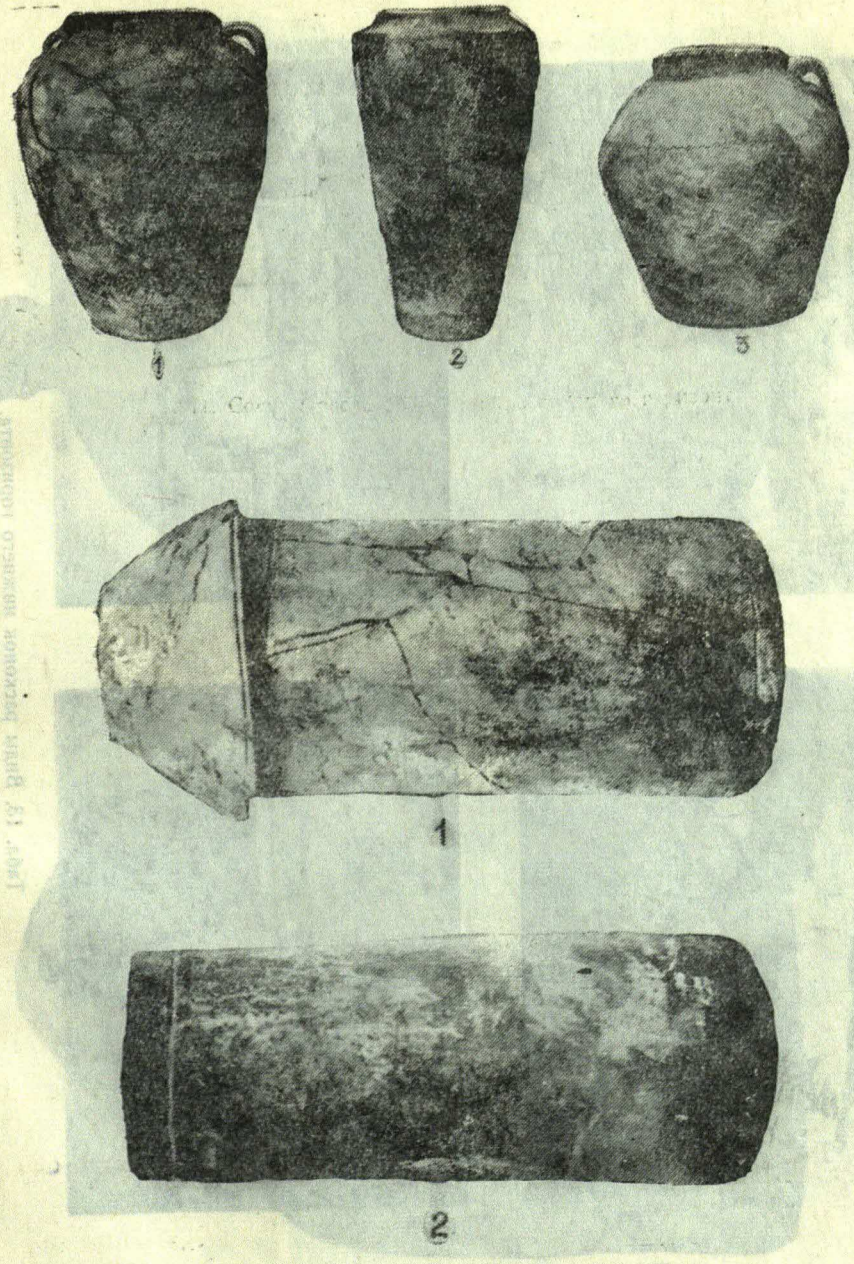

Табл. 12. Оссуарии цилиндрической формы.

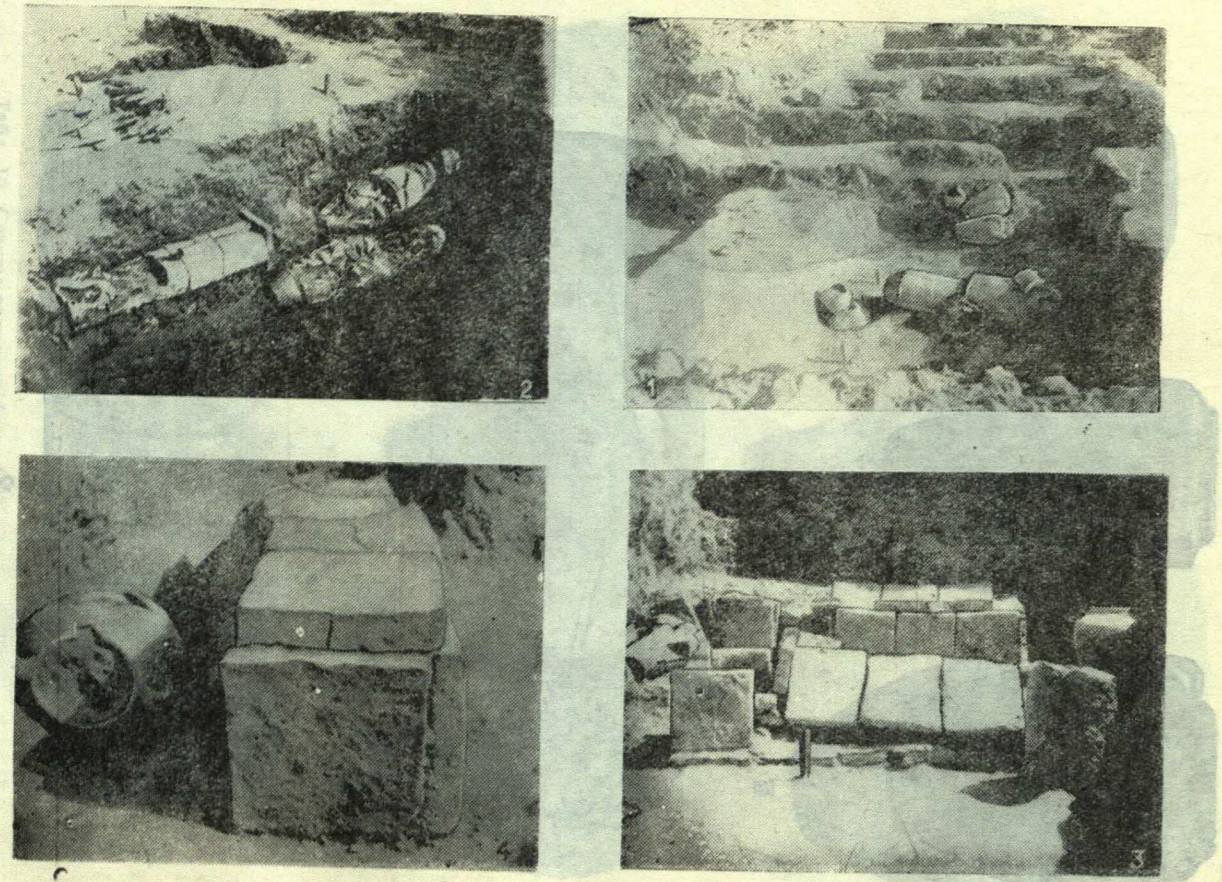

Табл. 13. Виды раскопок нижнего горизонта.

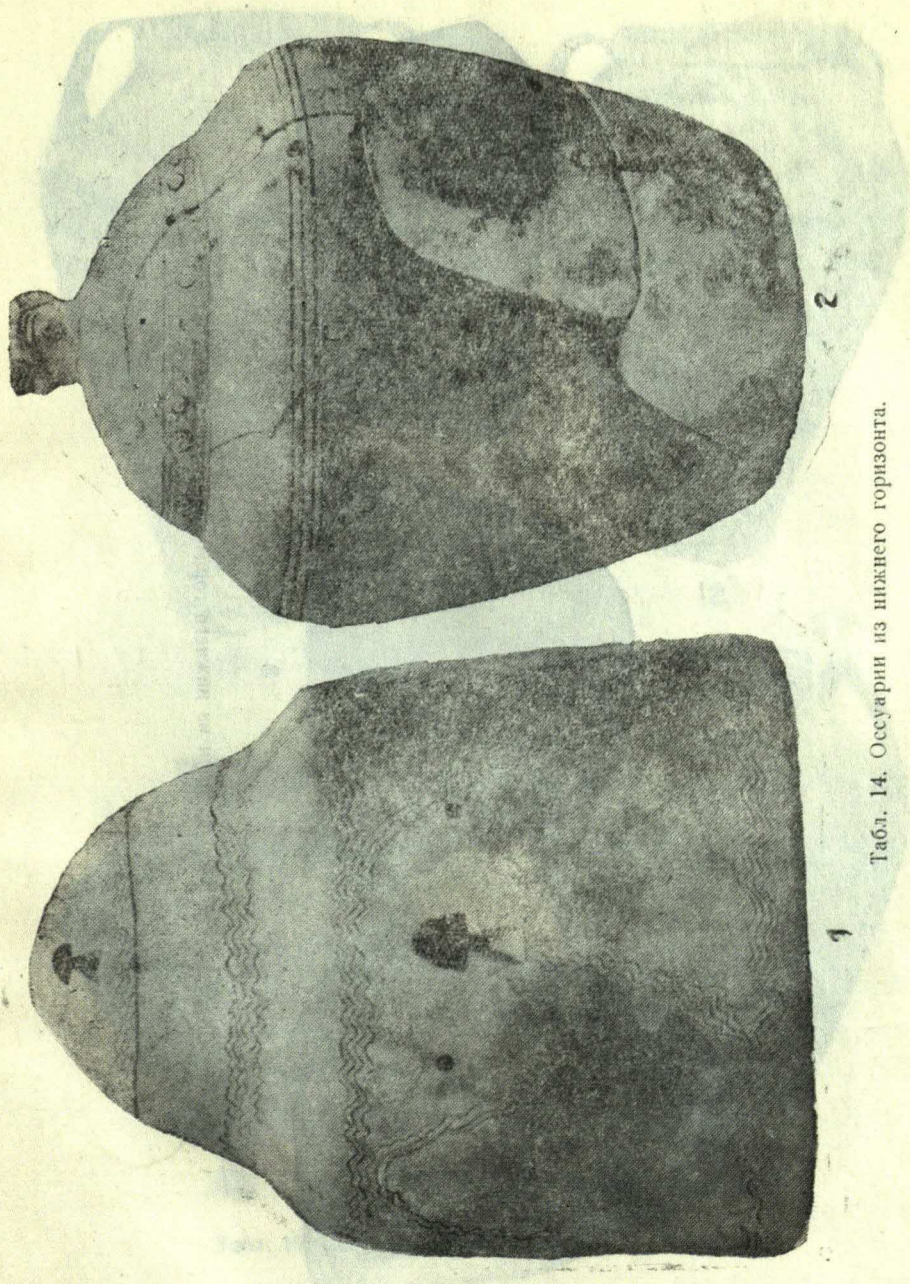

Табл. 14. Оссуарии из нижнего горизонта.

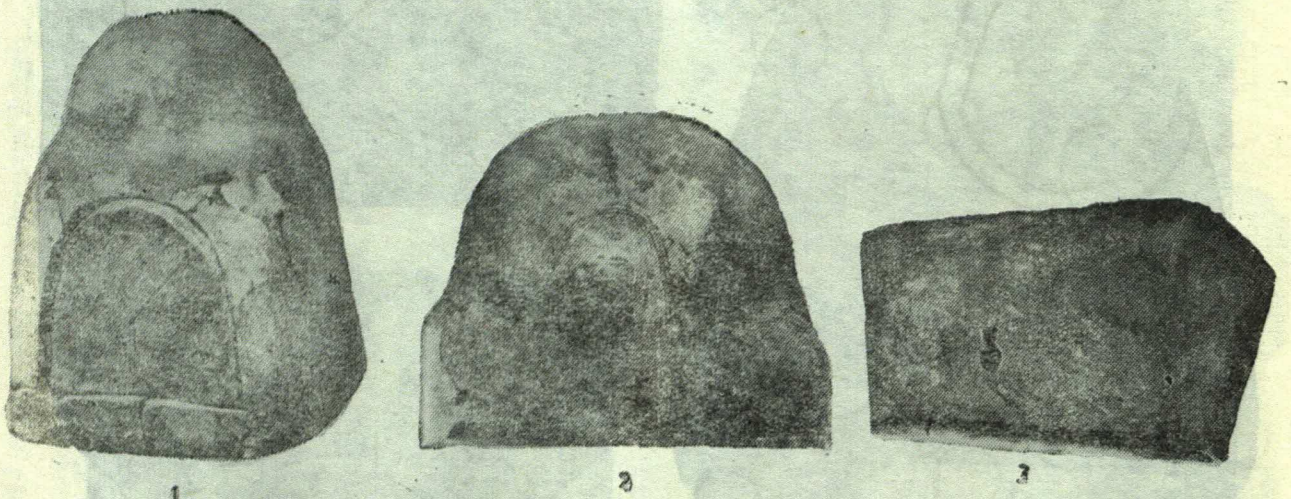

Табл. 15. Оссуарии из нижнего горизонта.

Табл. 16. Сосуды-оссуарии из нижнего горизонта.

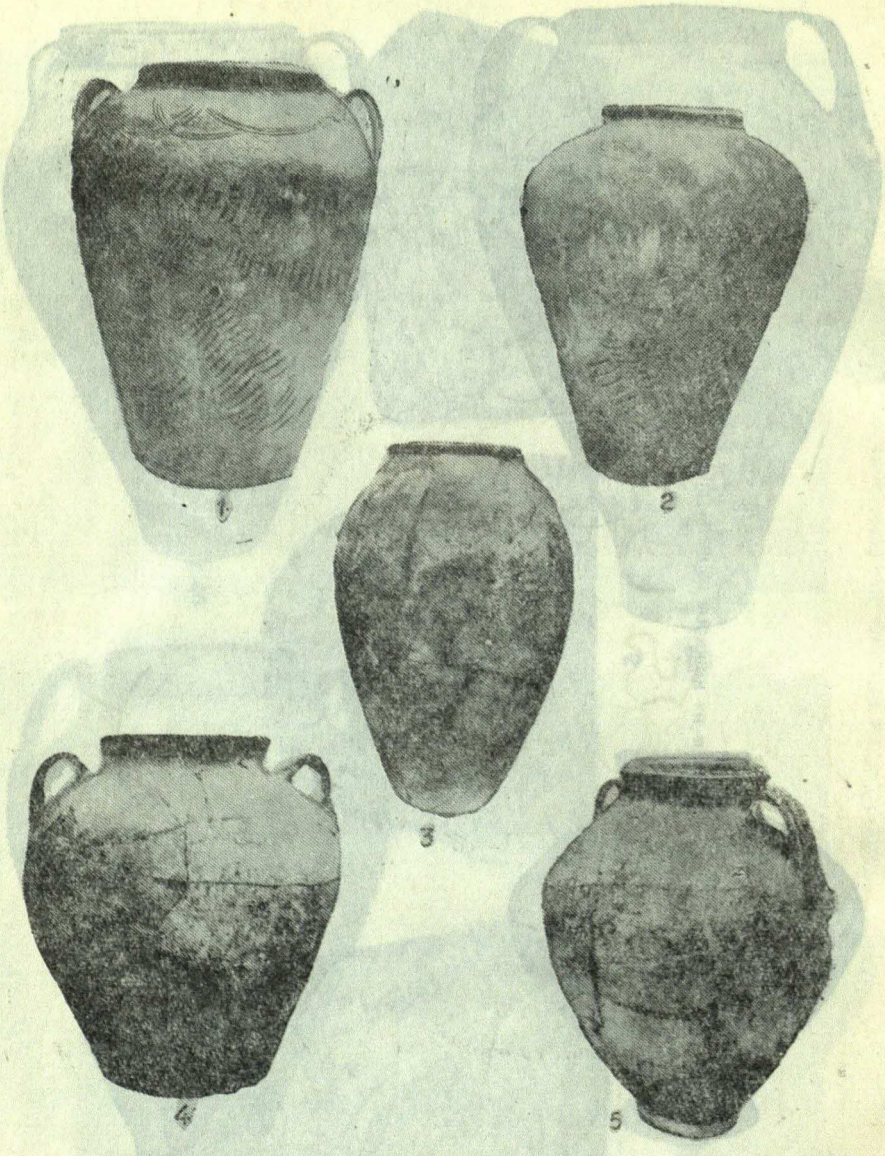

Табл. 17. Сосуды-оссуа[ии [хумы] из нижнего горизонта.

Табл. 18. Гробницы из обожженных кирпичей. Нижний горизонт.

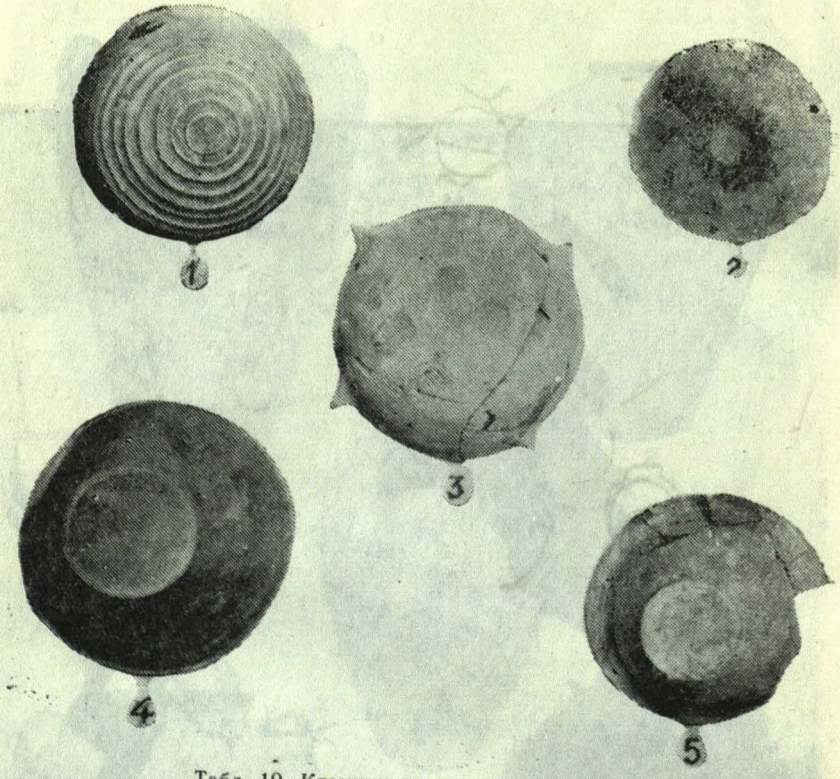

Табл. 19. Крышки от сосудов-оссуариев.

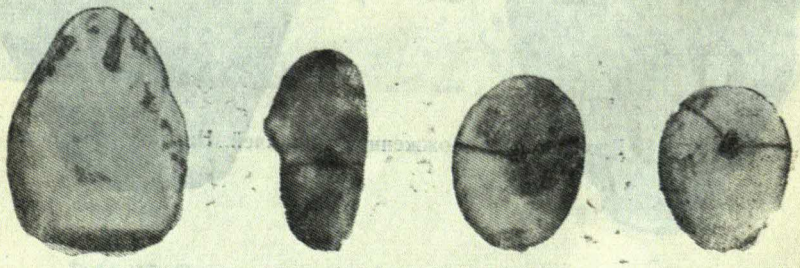

Табл. 20. Подвески из камня.

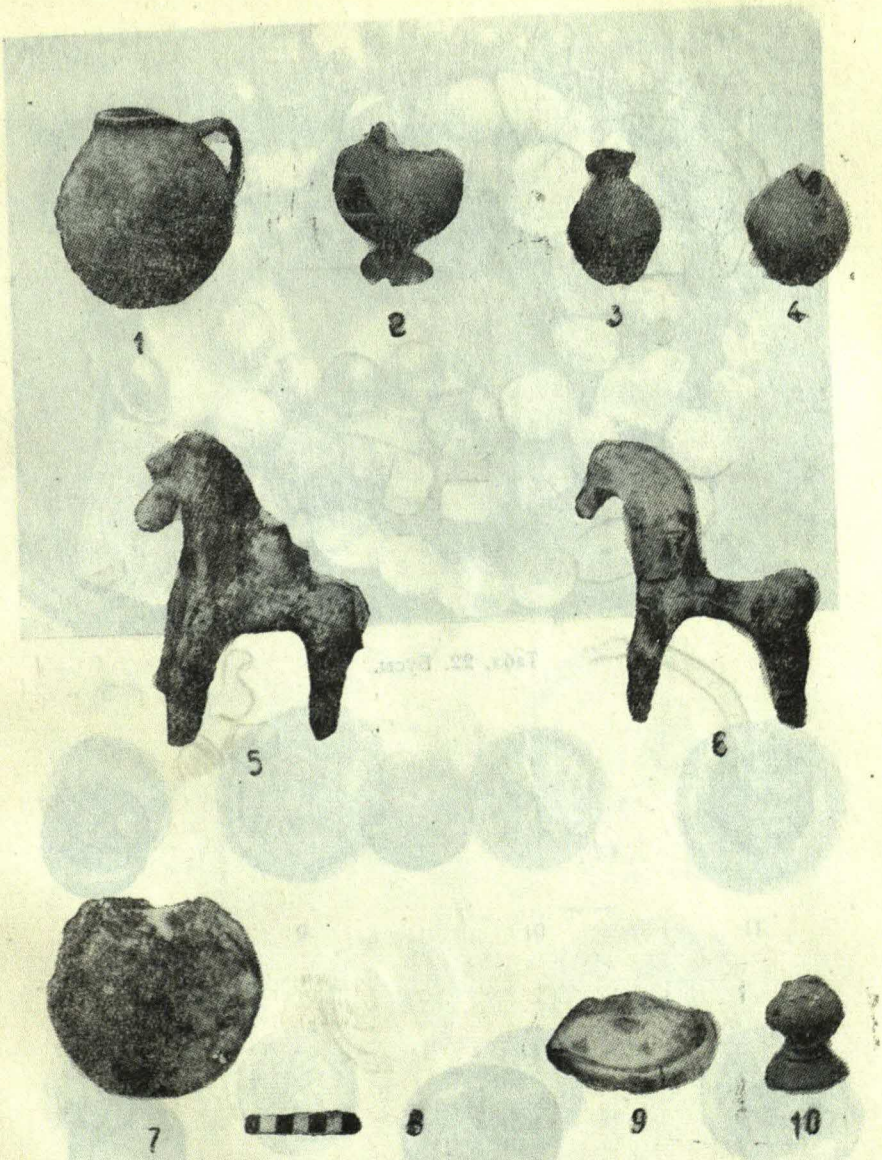

Табл. 21. Разные поделки.

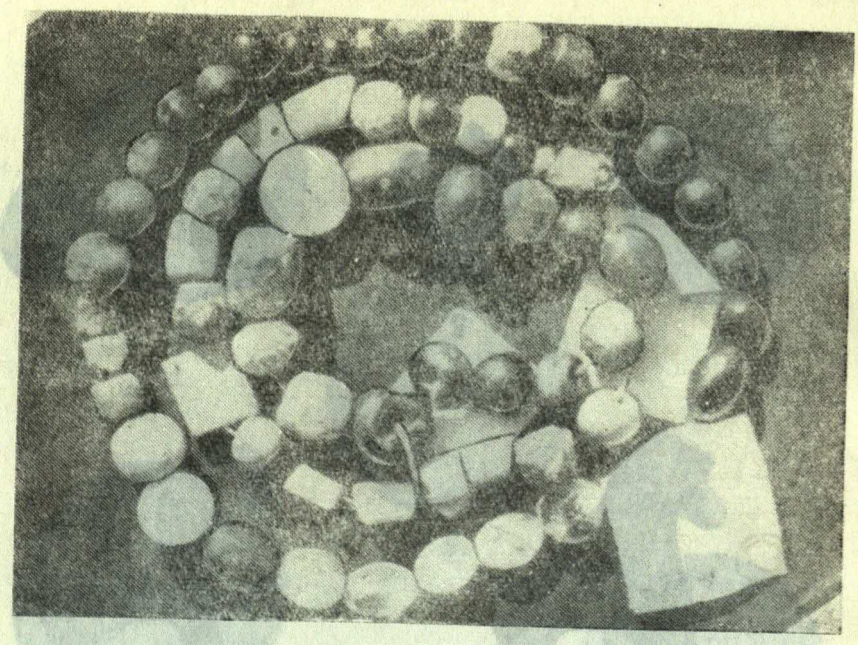

Табл. 22. Бусы.

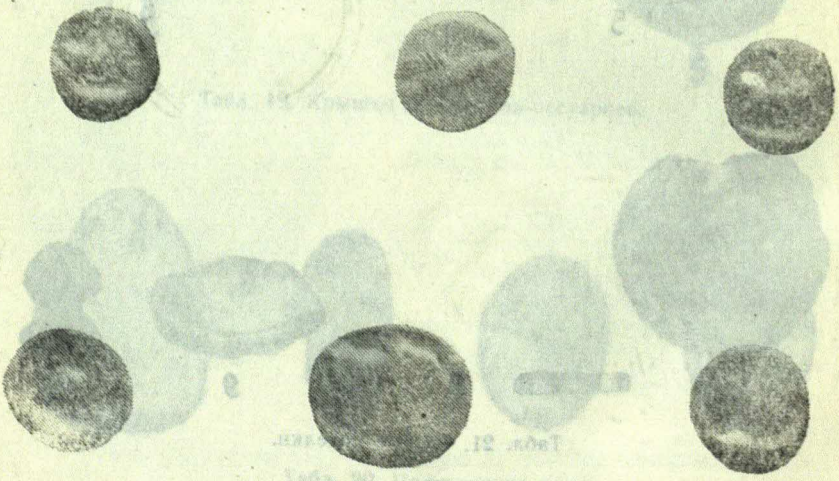

Табл. 23. Гемы-печати.

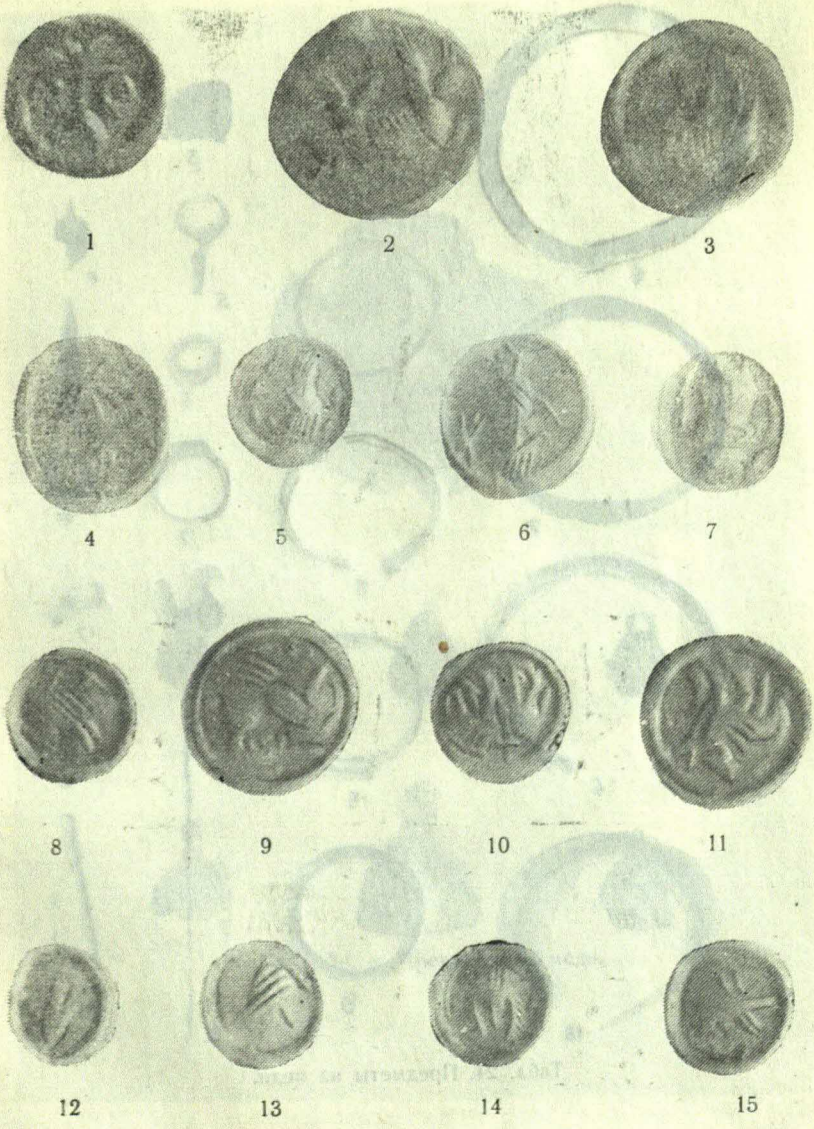

Табл. 23а. Геммы-печати.

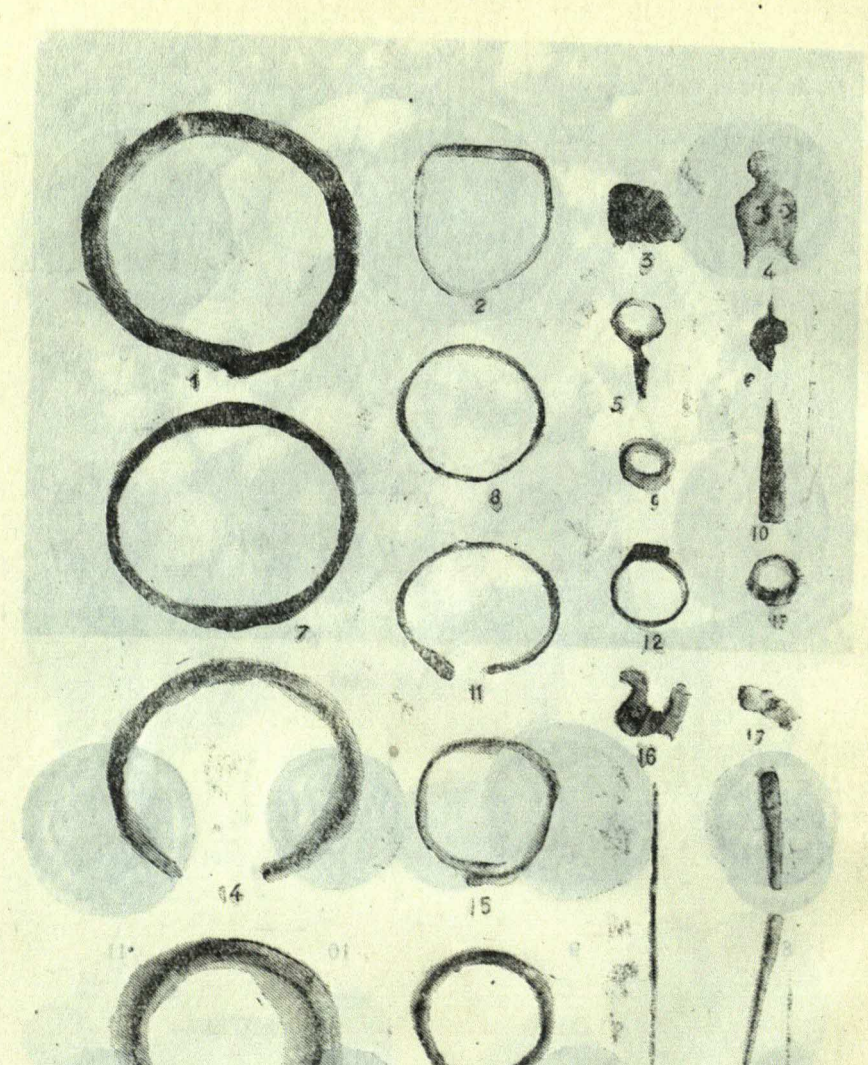

Табл. 24. Предметы из меди.

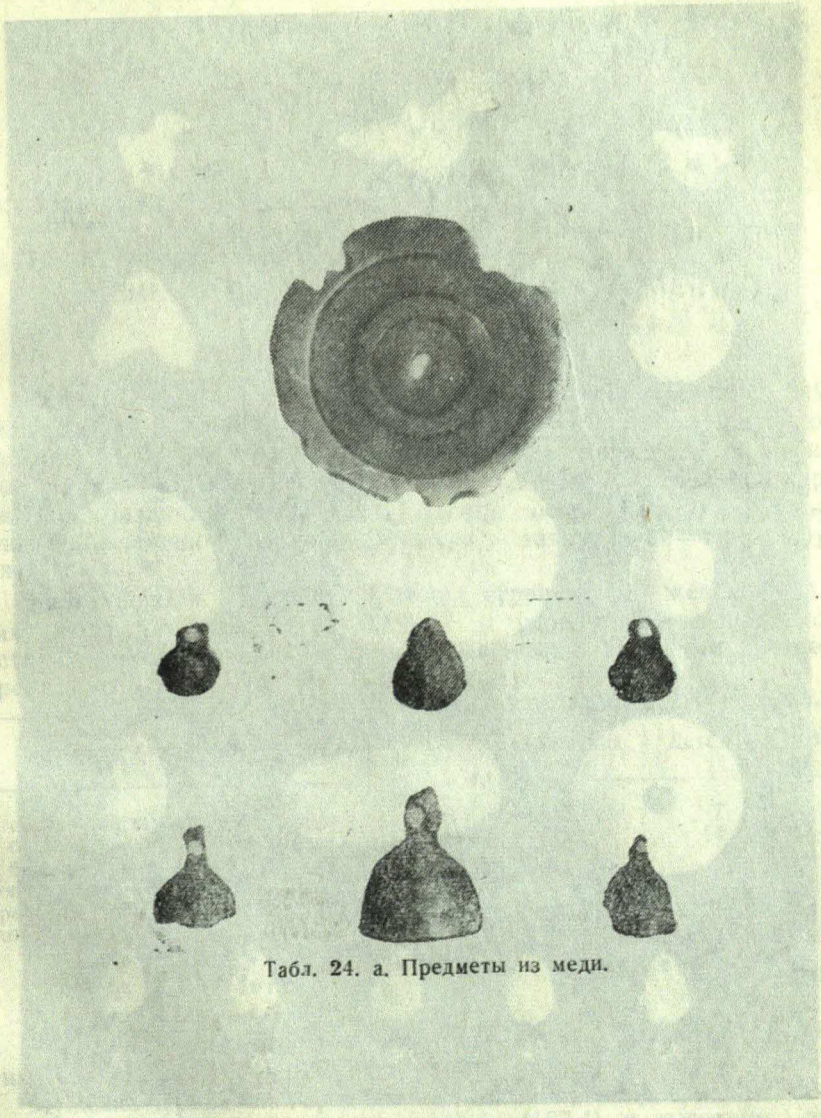

Табл. 24. а. Предметы из меди.

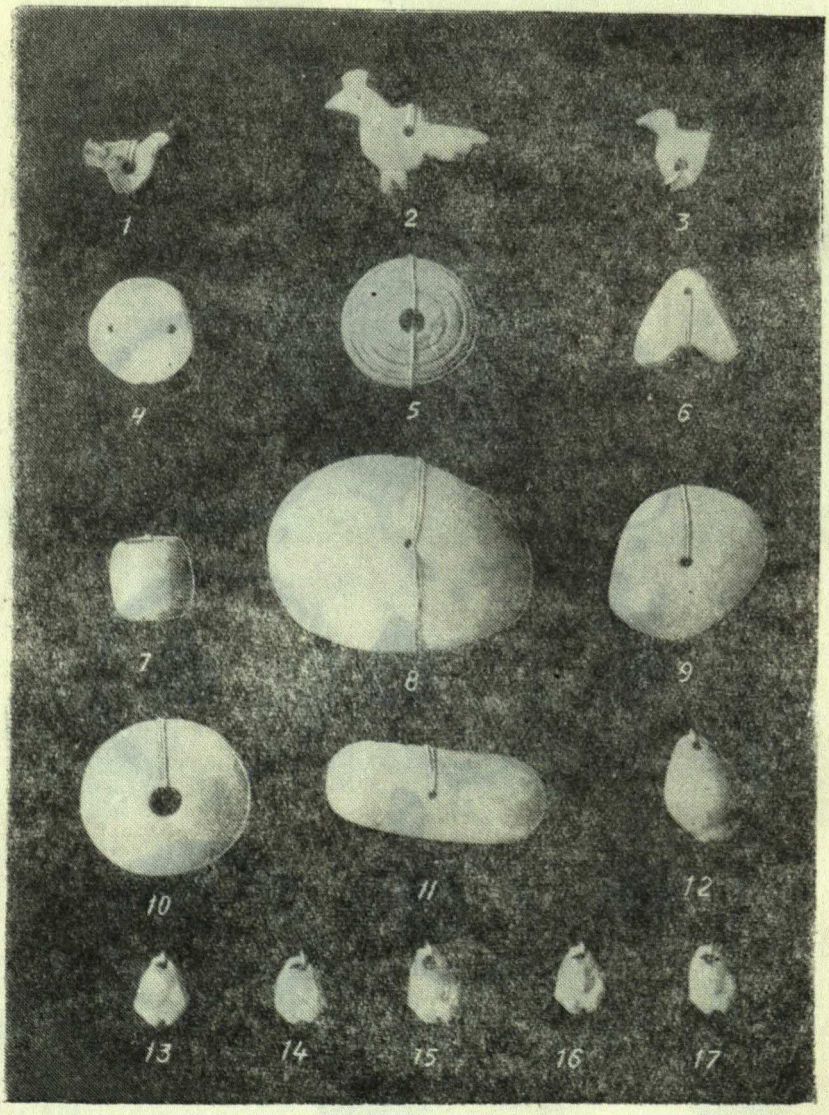

Табл. 25. Предметы из перламутра и кости.

Центр крепости представляет собой изолированно стоящую песчаниковую скалу, высотой около 20 м. Скале искусственно придана отвесность так, что она представляет собой гигантский высеченный из песчаника цилиндр.

На 4—5 м выше скалы поднимается оплывший глиняный бугор разрушенной крепости с мощным культурным слоем. На вершину скалы ведет изгибающийся в 4 марша глиняный пандус.

Неправильной формы площадка вокруг скалы, площадью 200×200 м, окружена сильно обвалованной стеной с воротами против пандуса и следами рва с противоположной стороны.

Керамические находки свидетельствуют о том, что Устыкский «арк» существовал уже в кангюйско-кушанское время. Помимо этого, налицо керамика афригидского типа, средневековая и современная, свидетельствующая о непрерывной жизни укрепления до времени Бухарского ханства.

Взятые в целом, результаты работ по Средней Аму-Дарье, как и разведка вглубь Кара-Кумов, дают нам в руки важные документы для истории политической экспансии средневекового Хорезма, подготовленной экономическим расцветом, явившимся предпосылкой для превращения Хорезма в центр величайшей из восточных империй XII—начала XIII в.

С. Толстов

Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи

(Краткие итоги археологического обследования 1939 г.)

С 1937 г. над изучением археологических памятников древнего Хорезма, расположенных на территории Кара-Калпакской АССР, главным образом в Кызыл-Кумах, большую работу проводит МОИИМК (Моск. отделение Института истории материальной культуры АН СССР) (см. ВДИ № 1 (2) и 4 (5) за 1938 г. и № 3 (8) за 1939 г.).

Аналогичную работу на территории Ташаузской области с 1938 г. начал вести и Институт истории Туркменской ССР.

За короткое время работ в этих районах археологическими экспедициями впервые был открыт ряд весьма ценных памятников, относящихся к II и I тысячелетию до н. э., ряд памятников эллинистической эпохи и целая серия памятников более позднего периода, V—VIII и X—XIII вв. н. э.

Итоги работ первых двух лет—очень большие. Они не только ознакомили нас с обликом археологических памятников древнего Хорезма, но дали нам и большой фактический материал для понимания гражданской истории как самого Хорезма, так и истории Туркменистана на протяжении свыше трех тысяч лет.

Однако, несмотря на большой размах археологических работ по Хорезму, до 1939 г. значительная часть территории оставалась мало исследованной. К таким районам относятся среднее и нижнее течение реки Аму-Дарьи, южная часть Хорезмского округа УзССР и ряд других районов, входящих в северную часть Туркменистана. Судя по топографическим картам, а равно и по дошедшим до нас запискам различных путешественников, в упомянутых районах имеется большое количество развалин.

Перед организованной МОИИМК в 1939 г. большой археологической экспедицией, в которой принимали участие и научные учреждения Средней Азии (Узкомстарис и Институт истории ТССР), встал, наряду с основными работами в Кызыл-Кумах, вопрос об исследовании развалин в этих мало обследованных районах.

Для обследования, в первую очередь, был намечен район правого и левого берегов среднего течения Аму-Дарьи от Чарджоу до аула Питняк. Работа в этом районе проводилась двумя группами. Первая группа под руководством С. П. Толстова вела работу на правом берегу, а вторая, в составе археолога С. А. Ершова, младшего научного сотрудника С. С. Гасанова при двух рабочих,—на левом берегу.

Левобережной группой было обследовано до двадцати различных памятников, расположенных главным образом вдоль старой большой торговой караванной дороги, связывавшей в древние времена Хорезм с Хорасаном и Мавенарагром.

Обследованные в 1939 г. по среднему течению Аму-Дарьи памятники могут быть сведены в три основные группы. К первой группе относятся развалины городов и селений—сюда мы включаем город Дарган и крупное селение Джигирбенд; во вторую группу включаются отдельные дома, например Ак-тепе, Таш-акыр, Сен-рабат, Уч-Керсен, Гугурджели и Байрак-тепе; в третью—караван-сараи и укрепленные пункты в виде развалин Орт-тепе, Мовыз-ата-тепе, Моор, Турпак-кала, Кош-кала № 1, Кош-кала № 2, Кетменчи, Чаш-кала и Ата-тюрк-кала.

Значительное большинство памятников относится к феодальному периоду Хорезма, т. е. к X—XIII вв. н. э., и только три памятника (Турпак-кала, Кош-кала № 1 и Ата-тюрк-кала) датируются более ранним периодом—I—III вв. н. э.

Для получения более полного представления об архитектуре обследованных памятников, а равно и о их строительном материале остановимся на некоторых наиболее характерных и лучше сохранившихся памятниках. Начнем с наиболее ранних, относимых к I—III вв. н. э.

К о ш - к а л а № 1. Крепость находится в 8 км на север от большого аула Кабаклы Дейнаусского района. Расположена она в 40—50 м от дороги, с левой ее стороны, на краю естественной возвышенности. С трех сторон (северной, южной и западной) ее окружают песчаные холмы, заросшие мелким кустарником саксаула. С восточной же стороны идут колхозные хлопковые поля.

В плане крепость—прямоугольник со сторонами 70×116 м (внутренний обмер)—ориентирована сторонами по странам света (рис. 1).

Три стены (южная, западная и часть северной) сильно деформированы и имеют вид вала с чередующимися с внешней стороны буграми. Высота вала около 6 м, а толщина 7 м. С восточной стороны у крепости стены нет.

Стены крепости сложены из сырцового кирпича размером 40×40×11, 40×40×14 и 40×40×15 см, уложенного на глиняном растворе.

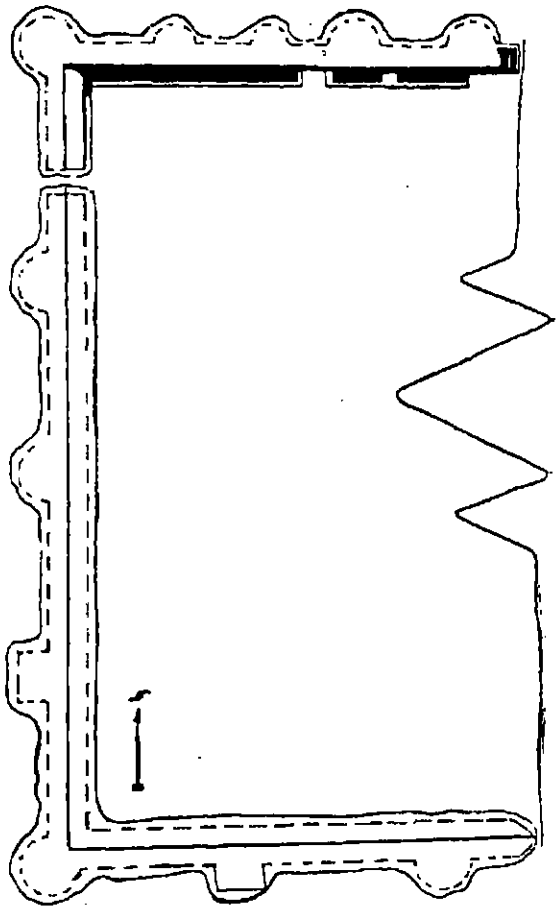

Рис 1. Кош-Кала № 1. Схематический план.

В северной стене, в северо-восточной ее части, сохранилась одна бойница ромбовидной формы. Высота бойницы по центру 65 см, а ширина 45 см. В этой же части стены имеется и полукруглая башня плохой сохранности. В западной стене намечается нешироκий, в 3 м 50 см, вход.

Внутри крепости большой двор с ровной поверхностью, вся площадь двора усеяна многочисленными обломками керамики, преимущественно от больших красноглиняных хумов (корчаг). Среди этих обломков встречаются фрагменты и тонкостенных чаш и сосудов различных форм, хорошего обжига, покрытые красной ангобой. В результате сравнения археологического материала с известным нам материалом правого берега Аму-Дарьи данный памятник может быть датирован I—III вв. н. э.

Следующими памятниками, относящимися к этому же периоду, являются Турпак-кала и Ата-тюрк-кала. Остановимся на последней.

А т а-т ю р к-к а л а находится в 15—16 км от современного аула Садывар, у подножья естественной возвышенности. Крепость, прямоугольная в плане, ориентирована сторонами по странам света (рис. 2). Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 43×43×10, 43×43×11, 44×44×12 см, уложенных на глиняном растворе.

В юго-восточной стене, по низу, на протяжении 38 м сохранился ход, перекрытый полуциркульным сводом. Ширина хода 3 м. Юго-западная стена с 6 стрельча-

той формы бойницами сохранилась в длину на 17 м. По наружному обмеру высота бойницы по оси 80 см, а ширина 25 см, тогда как по внутреннему обмеру она имеет высоту 40 см. В этой же части стены имеется неширокий сводчатый проход наружу(рис.3).

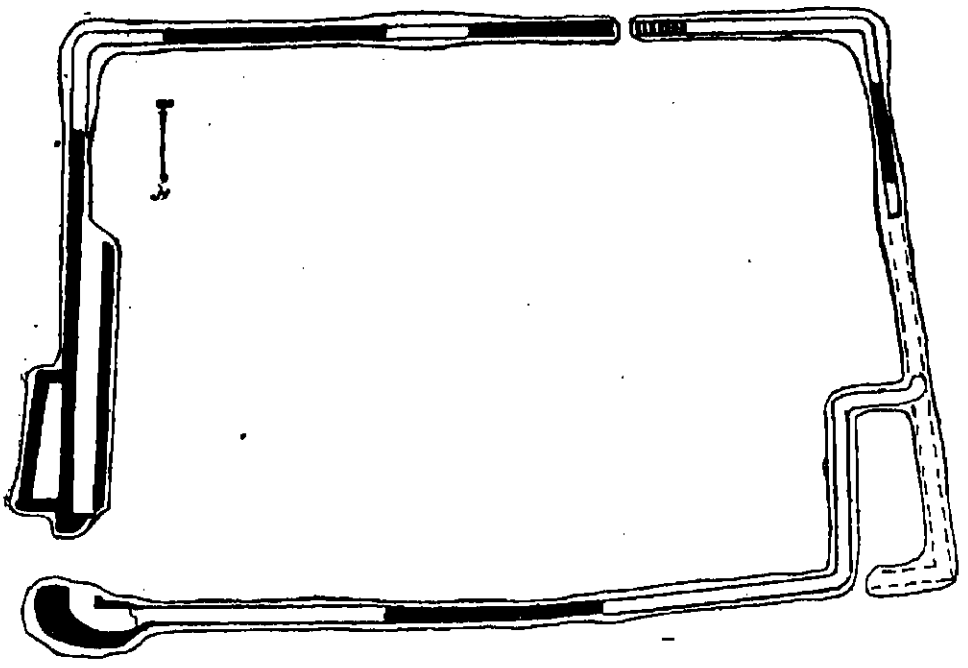

Рис. 2. Ата-Тюрк-кала. Схематический план.

Своды выложены из сырцовых кирпичей на ребро наклонными рядами; размер кирпича 43×24×8, 43×25×10 и 43×24×9 см.

В кладке стен на кирпичах встречаются знаки в виде буквы «О»и оттисков концов пальцев.

Центральные ворота находятся в юго-восточной стене с массивными прямоугольными башнями по бокам. Само предвратное сооружение сильно деформировано, и восстановить его почти невозможно.

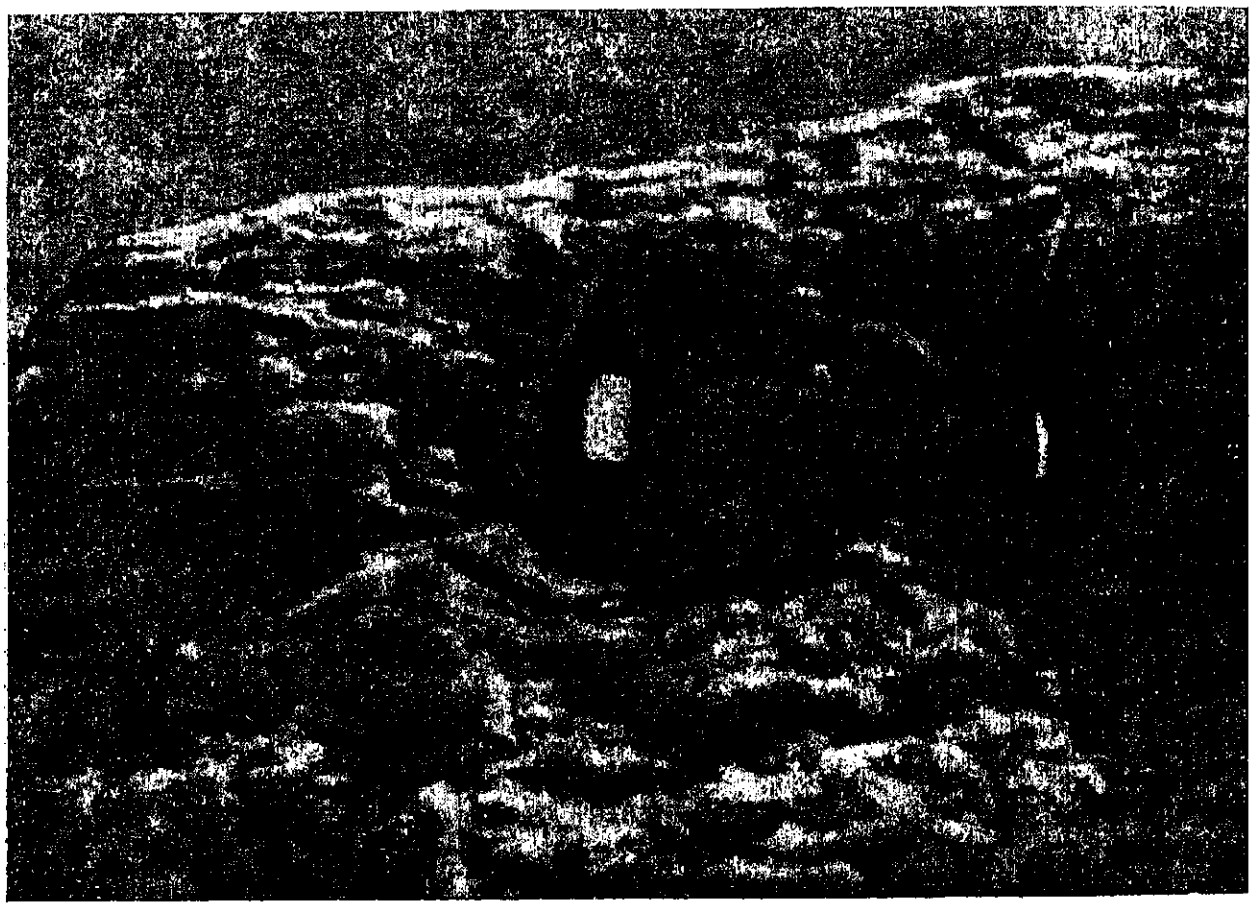

Рис. 3. Ата-Тюрк-кала. Часть юго-западной стены с бойницами.

Внутри крепости территория двора ровная и покрыта такыром. На обследованной территории как внутри крепости, так и вокруг нее керамики встречается очень мало. Из собранной особо выделяется неполивная красноглиняная керамика, покрытая красной ангобой. Она аналогична керамике крепости Кош-кала № 1.

Для памятников X—XIII вв. н. э. наиболее характерными являются развалины Дая-Хатын, Дарган и Чаш-кала.

Д а я - Х а т ы н. Данный памятник представляет большой караван-сарай с двумя дворами и надворными в них сооружениями, обнесенный мощной оборонительной стеной. Из всех обследованных памятников он имеет самую лучшую сохранность.

Расположен он в 167 км от города Чарджоу, на склоне естественной возвышенности, спускающейся к Аму-Дарье.

С восточной стороны по склону холма масса битого жженого кирпича вперемешку с немногочисленными фрагментами керамики. В плане Дая-Хатын—прямоугольник и занимает общую площадь около 14 000 кв. м. Ориентирован сторонами по странам света (рис. 4).

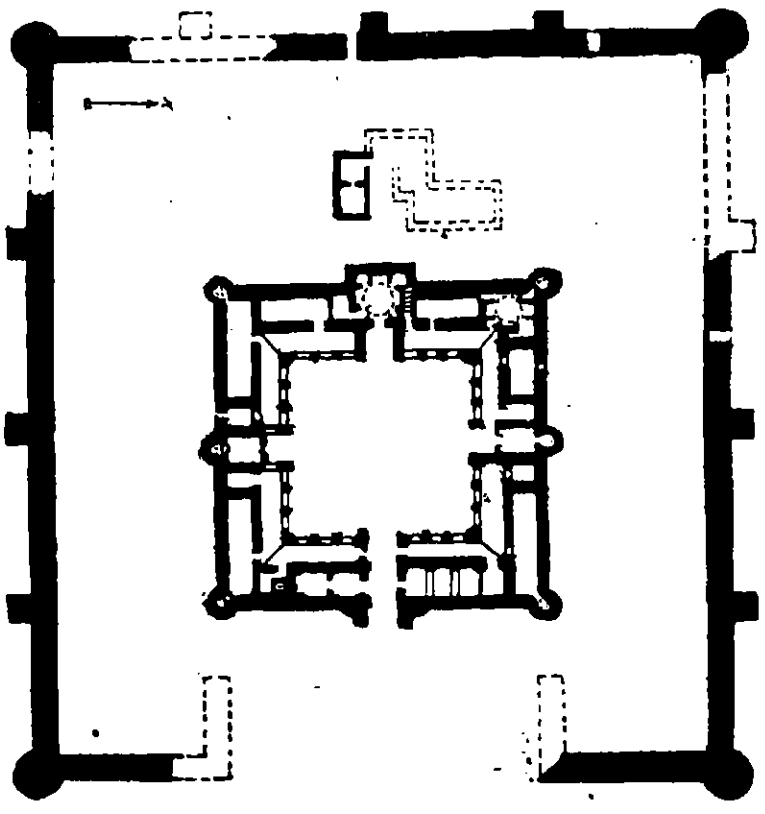

Рис. 4. Дая-Хатын. Схематический план.

Внешние стены по своей конструкции являются сложными. Наличие в них различного строительного материала указывает на то, что они перетерпели несколько восстановительных периодов, из которых каждый наложил свой отпечаток.

В основании стены сложены из сырцовых кирпичей, размером 35×35×10 и 36×37×10 см, уложенных на глиняном растворе. На высоте 1 м от современной поверхности толщина стен достигает 4 м, а чем выше, их толщина уменьшается, и на высоте 4,5—5 м она доходит до 1 м 20 см. С трех сторон стены имеют по три башни почти квадратной формы, а по углам—полукруглые. В стенах и у башен небольшие прямоугольные бойницы. В западной стене, в 40 см от средней башни, имеется заложенный сырцовым кирпичом узкий вход с полуциркульной аркой. Ширина этого входа 1 м 70 см. О перестройке в позднее время свидетельствуют, во-первых, применяемый при восстановлении стен более мелких размеров сырцовый кирпич (28×28×5 см), во-вторых,—находимая в глиняной обмазке стен поливная керамика, датируемая XI—XII вв. н. э.

В самом центре внутри двора стоит большое здание. В плане это четыреугольник, занимающий общую площадь 3 136 кв. м. Стены здания внутри и снаружи облицованы жженым кирпичом размеров: 27×27×5; 28×28×5,5; 29×29×5 и 29×30×5,5. Здание фасадной стороной обращено на восток. Вдоль южной и северной стены, а равно и по углам здания имеется по одной полукруглой башне с купольным перекрытием внутри.

Обращает внимание художественно оформленная резным кирпичом и парной фигурной кладкой фасадная сторона здания. По фасаду, с правой и левой стороны входа, выведены довольно разнообразные рисунки с мельчайшими узорами.

Вход внутрь здания оформлен двумя большими пилонами, выступающими за линию стен на 3 м 20 см и вверху сведенными в стрельчатую арку. По бокам этих пилонов, несколько ближе к стене, стоят массивные полуколонны-башни.

В здании имеются 23 комнаты хорошей сохранности, с самостоятельными входами, располагающиеся вдоль стен. Задуманный план расположения комнат, по всей вероятности, имел в виду установить их полную независимость друг от друга. Величина комнат различна, различно и их перекрытие. В четырех комнатах имеется купольное

перекрытие, а в остальных—сводчатые. Переход к куполу осуществляется через угловые трompы, отделанные под сталактиты в три яруса из выпущенных углом кирпичей.

Все своды выведены наклонными рядами из жженого кирпича, уложенного на ребро.

Выходы из комнат идут в крытую галерею, которая со стороны двора оформлена стрельчатыми арками, а также богато орнаментирована резным кирпичом.

Комнаты освещались через посредство дверных и арочных проемов в галерее, а также и через имеющиеся в потолке отверстия прямоугольной и круглой формы. Прямоугольные отверстия имеют размеры 40×70 см, а круглые—диаметром 50 см.

Для просушки стен здания и крыши, а равно и для охлаждения комнат под потолком вдоль стен имеются большие отверстия высотой 75—80 см, а шириной 55—60 см (рис. 5).

Рис. 5. Дая-Хатын. Вид воздухопроницаемых отверстий в потолке вдоль стен.

На всей территории развалин Дая-Хатына было собрано незначительное количество фрагментов поливной и неполивной керамики. Поливная керамика имеет преимущественно светложелтый фон (с зеленоватым оттенком) с линейным под поливой орнаментом, а неполивная состоит из светлой, красной и черной керамики с лепным орнаментом.

Наличие в Дая-Хатыне различного строительного материала, а равно и разной строительной техники дает нам право высказать предположение о том, что внешние оборонительные стены по времени относятся к более раннему периоду и принадлежали они какому-то другому памятнику. Центральное же здание было выстроено гораздо позже. Это подтверждается его декоративно-орнаментальной отделкой, имеющей полную аналогию в мазаре Мухаммед Ханапья и частично в мавзолее Султан Санджара и в Талхатан Баба (см. «Альбом архитектурных памятников Туркмении», стр. 31, 39).

Таким образом, центральное здание Дая-Хатына можно датировать XII в., отнеся его сооружение к тому периоду, когда в Хорезме устанавливается более твердое единое государственное управление хорезмшахов.

К какому же памятнику и времени относятся внешние оборонительные стены Дая-Хатына?

Из девяти названий, упоминаемых средневековыми авторами (Амоль, Виза, Мардус, Асбас, Сайфин, Тахирия, Дарган, Джигирбенд и Садывар), последние три пункта сохранили свое прежнее наименование и вполне локализуются наличием одноименных развалин.

Если следовать от известных уже нам памятников вверх по Аму-Дарье, первым неизвестным по местоположению памятником являются развалины Тахирии.

В. В. Бартольд в своих трудах (см. «К истории орошения Туркестана», стр. 79 и «Туркестан в эпоху Монгольского нашествия», стр. 142) пытается отожествить развалины Тахирии с укреплением Кетменчи.

В 1930 г. А. А. Марущенко, на основе сведений, полученных им от Л. Н. Соколова, обследовавшего в 1929 г. Дая-Хатын и Кетменчи, в своей статье «Существенные

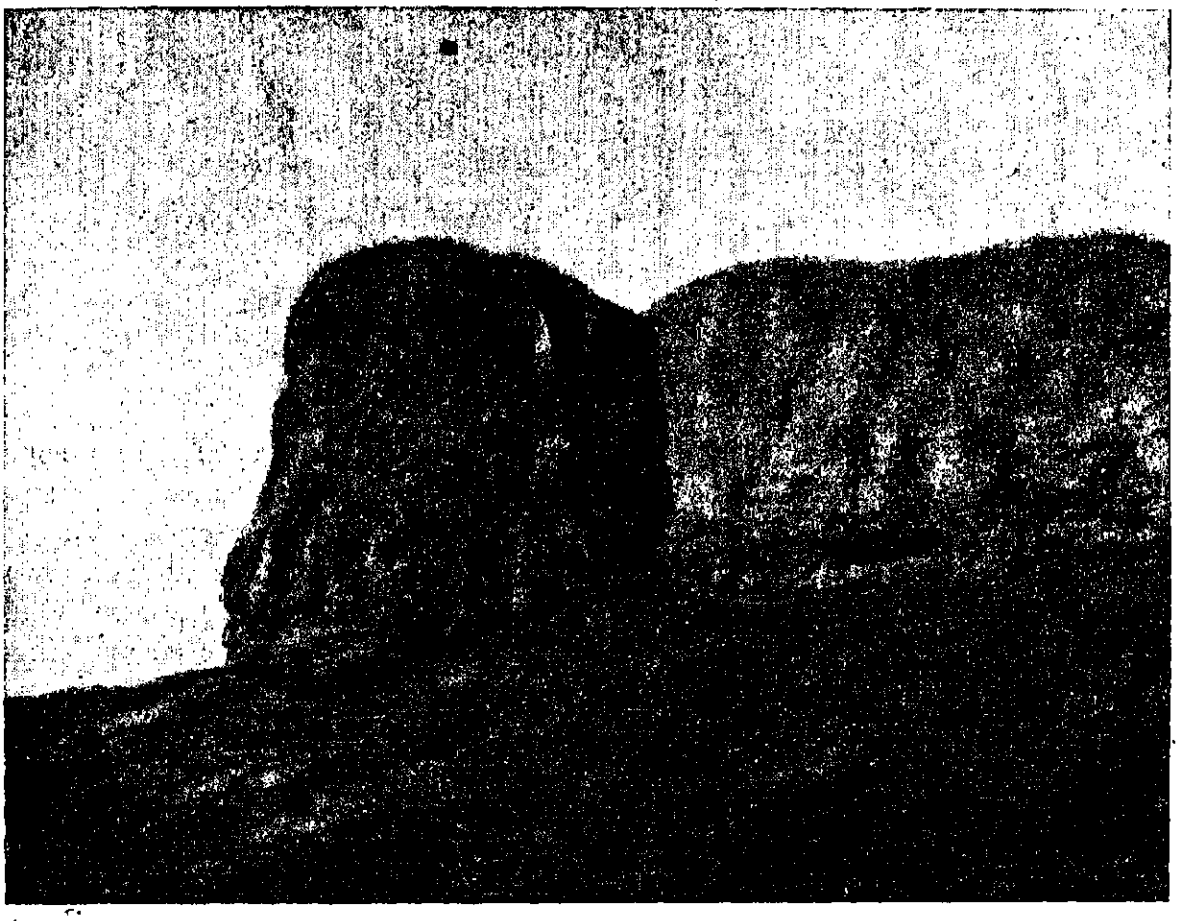

Рис. 6. Дарган. Часть юго-западной стены с угловой башней.

поправки» (см. журнал «Туркменоведение» № 12 за 1930 г., стр. 16) развалины Тахирии отожествляет уже с Дая-Хатыном.

Мы склонны поддерживать последнюю локализацию, так как обследованные нами развалины укрепления Кетменчи ничего похожего на город не дают. Эти развалины имеют вид небольшого сооружения, занимающего общую площадь 27×27 м, стены его сложены из больших глиняных блоков. Судя по собранной с развалин керамике, данный памятник по времени своего возникновения относится к более позднему периоду, чем Дая-Хатын.

Таким образом, мы можем констатировать, что внешние стены, окружающие Дая-Хатын, являются остатками оборонительных стен первого пограничного небольшого хорезмийского городка Тахирии и могут быть датированы концом IX или первой половины X в. н. э.

Вторым, но гораздо больших размеров, хорезмийским городом на Аму-Дарье, как нам известно по древним источникам, был город Дарган.

Старый город Дарган находится в 3,5 км на юг от современного поселения городского типа Дарган-Ата. Расположен он на северо-восточных склонах естественной возвышенности и был окружен мощными стенами.

С западной стороны к городским стенам вплотную подходят пески, а с восточной—культурная земледельческая полоса и тугайные заросли.

Само городище сильно разрушено.

Сравнительно хорошо сохранились стены—восточные и южные. В некоторых местах они имеют высоту от 6 до 8 м, по стенам идут прямоугольные и полукруглые

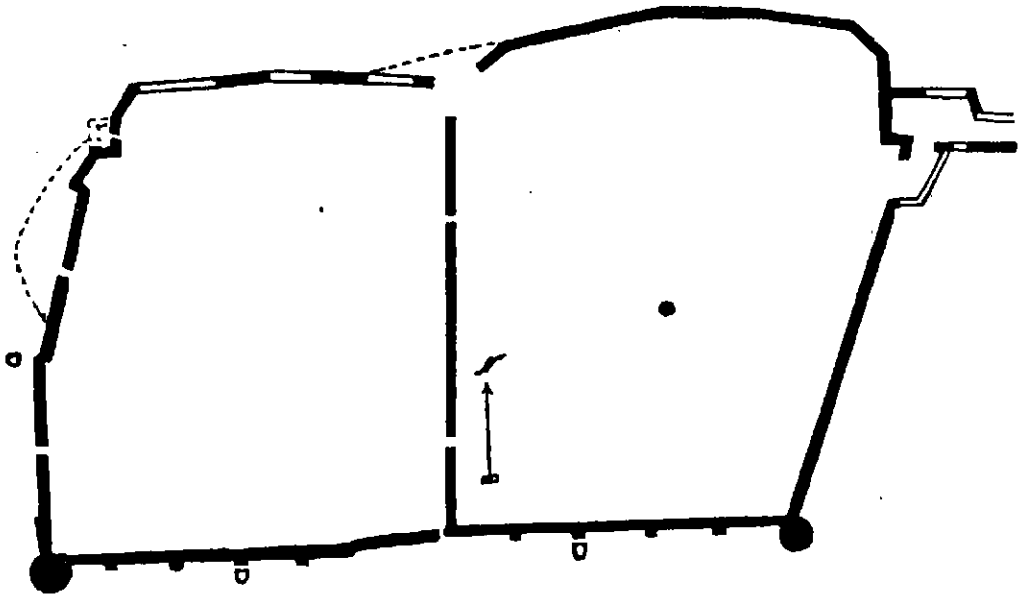

Рис. 7. Дарган. Схематический план.

башни, а по углам—восьмигранные. Кроме упомянутых башен, с трех сторон городища (восточной, южной и западной) имеются 4 полукруглые башни, вынесенные за стены на расстоянии от 2 до 4 м (рис. 6 и 7).

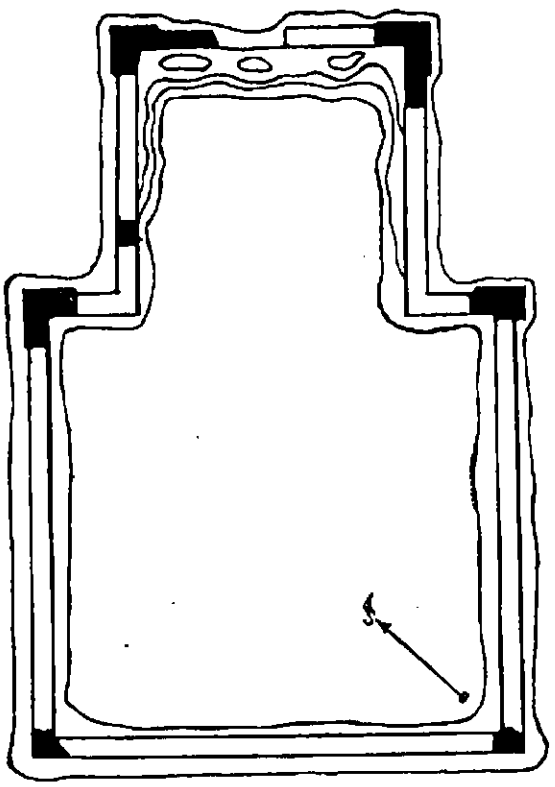

Рис. 8. Чаш-кала. Схематический план.

Ниже существующих стен по склону холма местами имеются следы вала, очевидно, более старой городской стены. Толщина стен различна, минимально они имеют 1 м 80 см (в северо-восточной части стены), а максимально—4 м 50 см (юго-западная стена).

Доступ внутрь города был через двое ворот: одни находились в восточной стене, а другие в северо-западной части стены. Ворота имели сложное устройство. Общая территория, занятая под город,—75 000 кв. м.

На всей территории города нет ни одного уцелевшего дома. Наличие большого количества бугров и возвышенностей различных форм и размеров говорит о некогда существовавших постройках.

Внутри город, с севера на юг, был разделен на две половины большой стеной, имеющей в длину 160 м при толщине 2 м 50 см. Обе половины города сообщались между собой через имевшиеся в этой стене два небольших прохода. В центре городища с обеих сторон поперечной стены вплотную примыкают две большие площади.

Наибольшая скученность холмов и возвышений отмечается в западной половине города. Здесь на поверхности попадается много гончарного и железного шлака, множество фрагментов поливной и неполивной керамики, встречаются, правда редко, и обломки жженого кирпича.

Совершенно по-другому выглядит восточная половина. В этой части города, несмотря на одинаковую с западной половиной площадь, имеются два больших расплыв-

чатых бугра, сплошь покрытых обломками жженого кирпича, среди которых встречаются отдельные фрагменты плиток с голубой поливой. Среди этих обломков встречается большое количество поливной и неполивной керамики. В этой же половине города вдоль северо-восточной части стены идут неизвестного пока назначения пристройки.

Толщина культурного слоя не превышает двух метров.

Верхний слой городища Даргана датируется поливной керамикой XI—XIII вв.н.э.

Пользуясь письменными источниками средневековых авторов, а равно собранным археологическим материалом и личными наблюдениями, можно наметить следующую топографию города. В западной половине города располагались преимущественно ремесленные мастерские, дома крестьян и прочие постройки, принадлежавшие бедной части населения, тогда как в восточной половине находились дома феодальной знати, их охраны и торговцев. В этой же части города была, вероятно, и соборная мечеть, о которой мы находим упоминания у автора X в.—Макдиси.

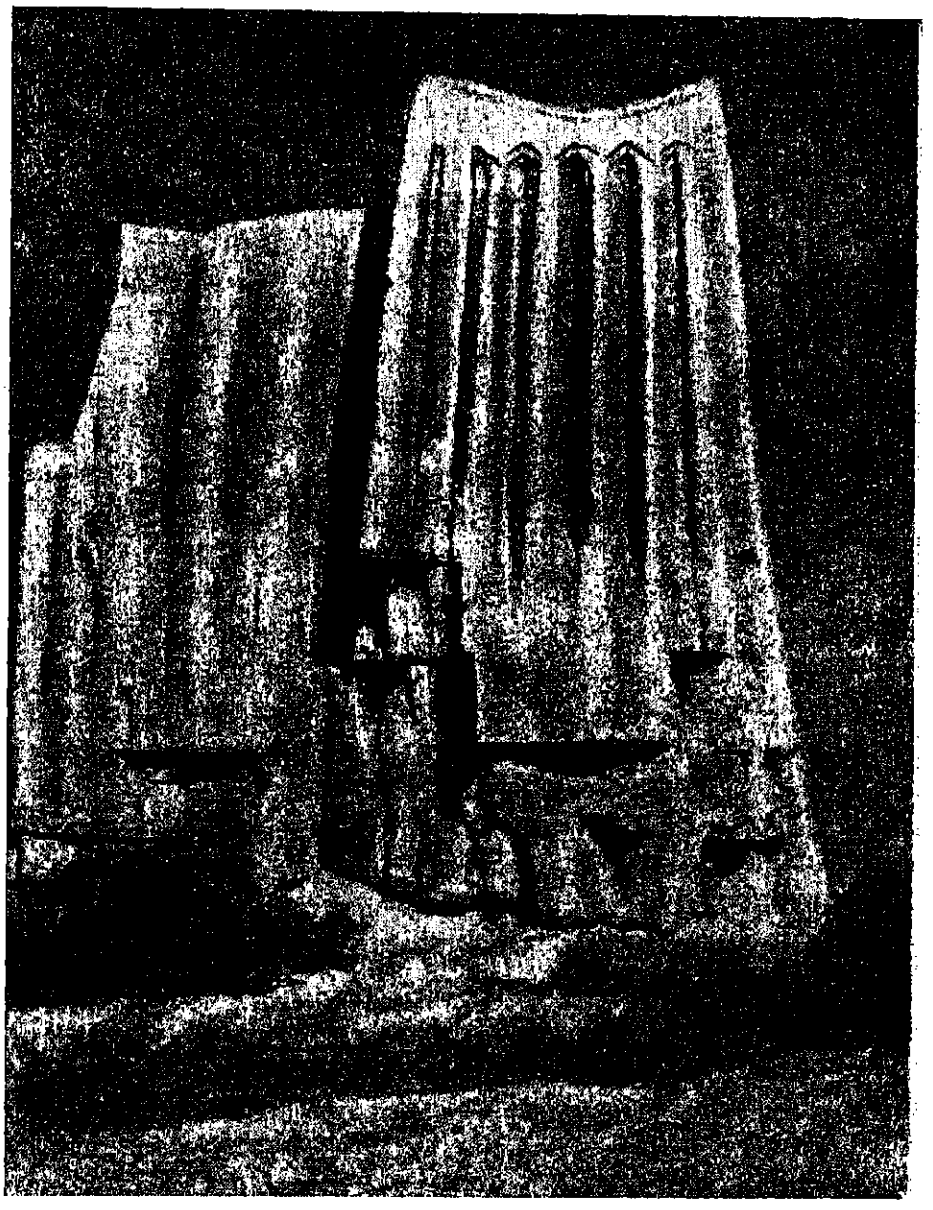

Рис. 9. Чаш-кала. Часть стены с уцелевшей гофрировкой.

Следующий памятник, на котором мы считаем необходимым остановиться,— Ч а ш-к а л а (в переводе «развалившаяся крепость»).

Чаш-кала находится в 2,5—3 км от современного населенного пункта Садывара. В окрестностях развалин хорошо видны следы некогда возделывавшейся почвы, ныне заросшей бурьяном. С юго-западной стороны развалин местность покрыта густой сетью арыков, по некоторым из них и сейчас проходит вода.

Памятник—плохой сохранности, стены его уцелели лишь в угловых частях. В плане напоминает букву «Т». Стены выложены из массивных глиняных блоков кубической формы со сторонами 95 см и 1 м (рис. 8). Особый интерес в Чаш-Кале вызывает фасадная сторона внешней стены, где в уцелевшей ее части хорошо сохранилась гофрировка вверху, отделенная перспективными стрельчатыми арочками (рис. 9).

Внутри двора, в северной части, вдоль стены имеется большой бугор, указывающий, что вдоль этой стены располагались комнаты. В промоинах бугра на глубине 1 м 30 см виден слой от пожарища. В остальной части двор имеет ровную поверхность, покрытую такыром.

На территории двора, а также и в окрестностях отмечается незначительное количество керамики, состоящей преимущественно из неполивной красноглиняной посуды.

На поверхности в юго-западном углу около стены была найдена одна медная монета.

Остальные памятники в большинстве своем имеют вид небольших укрепленных пунктов, стены которых выложены из глиняных блоков без какой-либо архитектурной отделки и особого интереса не представляют.

С. Ершов

К истории древнего Хорезма

Труды одного из величайших ученых средневековья—математика, астронома, естествоиспытателя, географа и историка Абу-р-Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни (974—1048)[1] содержат много сведений по древней истории Средней Азии и тех стран, которые с ней так или иначе соприкасались. Почти все, что мы знаем о судьбах его родной страны, Хорезма, мы знаем из его «Хронологии», сочинения, написанного им в молодости, около 1000 г. н. э. Только в последние годы археологические работы А. И. Тереножкина, С. П. Толстова и др. прибавили много новых данных по истории Хорезма, которые опубликованы пока только в незначительной части. Археологические данные нуждаются, однако, в освещении их письменными источниками, которые, в свою очередь, при сравнении их с результатами раскопок часто звучат совсем по-новому. Только при помощи «Хронологии» ал-Бируни могла быть сделана попытка прочтения хорезмийских монет[2].

«Хронология»—не единственное сочинение ал-Бируни, содержащее сведения по истории Хорезма. Такие же сведения в большем или меньшем количестве имеются во всех известных нам трудах ал-Бируни. К сожалению, до нас дошла только часть написанного им, не дошло, в частности, специальное сочинение по истории Хорезма—«Известия о Хорезме»; не все сохранившиеся сочинения изданы[3]. Одному отрывку, важному для истории Хорезма и до сих пор не опубликованному (существует только его краткое немецкое изложение)[4], посвящена настоящая заметка.

Рукопись библиотеки «Султан Фатих» в Стамбуле № 3386 содержит единственный сохранившийся экземпляр сочинения ал-Бируни «Тахдид нихайат ал-амакин фи тасхих масафат ал-масакин» «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений»[5]. По счастливой случайности мы имеем в этой рукописи автограф ал-Бируни: рукопись закончена им самим в Газне за семь дней до конца месяца раджаба 416 г. х., т. е. 20 сентября 1025 г. Сочинение до сих пор не издано, хотя с тех пор как рукопись его впервые описана в печати, прошло уже 27 лет. В 1926 г., во время поездки в Турцию, покойный академик В. В. Бартольд сделал из него выписки, которыми я и воспользовался для настоящего сообщения. В докладе о своей поездке осенью того же года он кратко изложил содержание сочинения ал-Бируни и остановился на значении публикуемого ниже отрывка[6].

---

[1] Правильнее было бы писать ал-Беруни, но я сохраняю обычную в научной литературе форму.

[2] С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 120—145. Чтения С. П. Толстова вызывают много сомнений, и было бы желательно, чтобы о них высказались специалисты по среднеиранским языкам и алфавитам арамейского происхождения.

[3] Только недавно опубликована Кренковым «Минералогия» ал-Бируни: Китаб ал-Джумахир фи марифат ал-джавахир. Хайдерабад, 1356. Это сочинение—один из последних трудов ал-Бируни — содержит много интересных исторических данных; для истории Хорезма оно, однако, дает немного и исключительно для X—XI вв.

[4] ZDMG, B. 90, стр. 28; ср. также V. Minorsky, Hudud-al-Alam, стр. 481.

[5] См. O. Rescher, «Le Monde Orientale», VII, 1913, стр. 127; H. Ritter, «Der Islam», XIX, 1933, стр. 54; F. Krenkow, «Islamic Culture», VI, 1932, стр. 512—534; «Revue de l'Académie Arabe», XIII, 1935, стр. 283—284; Ahmet Zeki Validi, «Geographische Zeitung», 40, 1934, № 10, стр. 369 сл.; посвященные ал-Бируни работы того же автора, повидимому, до сих пор не вышли в свет, хотя ссылки на них появлялись еще в 1930—1934 гг.

[6] Архив АН СССР, фонд 68, опись 1, № 221, ср. № 223.